

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ НЕБЕСА

СТРУННИК

ЕВГЕНИЙ БАЗАРОВ

Перевернутые небеса

Евгений Базаров

Перевернутые небеса. Странник

«Автор»

2021

Базаров Е.

Перевернутые небеса. Странник / Е. Базаров — «Автор»,
2021 — (Перевернутые небеса)

Эта история о том, что наш мир не так прост как кажется и что в нем, еще может быть много не разгаданных тайн. Тайн, которые рядом, но мы в своей повседневности их не замечаем. Наш мир кто-то хранит или его существование зависит от слепого случая? Мы опасаемся чёрной кошки и верим или не верим в домового, но мы о нем знаем. Откуда это у нас? История эта начинается в Советском Союзе, в городе Новосибирске, где родился тот, кому по крови дано понять и принять накопленные человечеством знания. *Иллюстрации для создания обложки были сгенерированы с помощью нейросети Midjourney

© Базаров Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Базаров

Перевернутые небеса. Странник

Глава 1

Весна 1978 года, один из районов Краснодара

Оклеенное мешковиной стекло тихо хрустнуло и повисло на тряпке, когда Солома легонько ударил по нему кулаком в кожаной перчатке.

– Готово, – шепнул он в темноту.

Из густых зарослей клёна вышел молодой парень в спортивной одежде. Они немного постояли напряженно прислушиваясь.

– Вроде всё на мази, – прошептал Солома. – Можно нырять.

Парень кивнул, и, опершись на подставленное Соломой плечо, протиснулся через разбитое окно в квартиру, осмотрелся и подал руку Соломе.

– Влезай.

Оказавшись внутри, парни задёрнули шторы и, не зажигая света, используя принесённые с собой фонари, стали методично обыскивать квартиру.

У них имелся немалый опыт в подобных делах. Не прошло и пятнадцати минут как парни уже нашли замаскированный под батарею отопления тайник. А вскоре и ещё четыре записки, под завязку забитые денежными знаками советского и американского казначейства.

Всё обнаруженное положили в принесённые с собой сумки, и покинули квартиру также, как и вошли, через окно.

На всю процедуру ушло не больше тридцати минут.

Пройдя по пустынной в предутренние часы улице метров пятьдесят, вору свернули в темный проулок и сели в стоящую на обочине машину. Ожидаящий их за рулём старенького запорожца парень, завёл двигатель и не спеша выехал на главную улицу.

– Ничё себе улов, – Гуня пнул стоявшую на полу спортивную сумку. – Интересно, сколько здесь?

– Хрен знает, – пожал плечами Солома. – В этой бабла ещё больше, – и небрежно бросил на пол вторую сумку.

– У Графа чуйка на большой куш. И откуда только узнал, что в этой хате столько бабла заныкано? – в который раз уже, не переставал удивляться Гуня.

– Да ладно, брателла, пора уже привыкнуть, что Граф не от мира сего. Давай лучше приятным делом займёмся: бабки пересчитаем и на поезд будем собираться.

Справка

Андрей Фёдорович Гуров, в свои восемнадцать лет имел солидный список успешных квартирных краж, и являлся лидером организованной им преступной группы.

Совершив более сотни удачных краж и заработав на этом огромные деньги, он, тем не менее, оставался абсолютно неизвестен в криминальных кругах. Гуров никогда не стремился к сомнительной славе, пусть даже и очень удачливого вора, – не пил, не курил и не сорил деньгами. Материальные ценности его мало интересовали.

Графа заводил процесс совершения кражи, подготовка и осуществление этой операции, как он сам всегда называл то, что они делали. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не произносил слово «кража», говоря всегда: «операция». Он и подельников своих к этому приучил.

Графом Андрея Гурова называли его подельники, которые за невероятное чутьё и удачу, не только уважали, но почти боготворили своего босса. Но сам Гуров считал, что удача в таком деле как кража нужна только недоумкам, а успех всякого дела зависит от тщательности его подготовки.

За всё время, пока Гуров планировал предстоящие операции по изъятию ценностей, они ни разу не попали в поле зрения милиции.

Однако его подельники про удачу так не думали, не сбрасывая со счетов его организационные способности, они были уверены, что удача ходила за Гуровым по пятам, и, находясь в тени его феноменального везения, можно смело творить любые дела.

Именно поэтому, несмотря на то, что он был младше своих подельников лет на десять, им бы и в голову не пришло оспаривать его решение и тем более кинуть его, или предать.

Гуров родился двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот шестидесятого года в городе Новосибирске, в семье обычных советских госслужащих. Мать всю жизнь проработала лаборанткой в институте, а отец простым инженером на заводе.

Семья Гуровых, проживала в самом центре Новосибирска, в трёхкомнатной квартире, доставшейся им ещё от бабушки, с окнами, выходящими на Оперный театр.

Маленький Андрей не имел друзей – ни в детском саду, ни в школе, которую закончил с золотой медалью.

Водить дружбу со сверстниками Андрей считал пустой тратой времени, которым он всегда очень дорожил. Пожалуй, время было единственным, чем дорожил Андрей в этом мире.

С раннего детства у Гурова-младшего была страсть ко всякого рода механизмам, устройство которых, он словно на рентгеновском снимке видел, что называется, изнутри.

Считал это своим талантом, даром свыше, и никому об этих своих способностях никогда не рассказывал.

Другой его страстью была любовь к оружию, и он очень серьёзно занимался пулевой стрельбой из пистолета. Настолько серьёзно, что к окончанию школы готов был сдать норматив на звание мастера спорта.

Это было единственным его увлечением, о котором знали многие, и о чем писали в характеристиках.

А вот то, о чем знали всего два человека – его подельники, было куда интереснее, и могло бы заинтересовать и милицию, и КГБ, и крупных преступных авторитетов, под крышей которых находились весьма уважаемые люди, благодаря Гурову, однажды потерявшие солидную часть собственных сбережений.

Пострадавшие однажды от его деятельности подпольные предприниматели – цеховики и уголовные авторитеты – многое бы отдали за голову этого никому не известного вора.

Сначала Андрею просто нравилось открывать замки. Он мог запросто изготовить любую отмычку едва взглянув на замок.

Когда ему было восемь лет отроду, он открыл и закрыл все замки, на всех гаражах и погребах поблизости от его дома, но при этом никогда, ничего не брал.

Летом, на даче в Матвеевке, Андрей всегда помогал отцу чинить машину – старенький, выдавший виды «Москвич». Родители целыми днями были на работе и только радовались, что Андрюша не шляется с дурной компанией, и прочили ему в будущем профессию инженера.

Но однажды, Андрею попался очень хороший набор инструментов в одном из гаражей, и он взял его, не задумываясь. С тех пор он стал брать всё, что ему было нужно, не рассуждая о том, хорошо это или плохо. Когда ему исполнилось тринадцать лет, в одном из гаражей ему попался сверток, в котором были тщательно завернуты деньги – целых три тысячи рублей, их Андрей тоже взял, и спрятал в подполе дачного домика.

Это была его первая крупная кража, которая на многие годы изменила его жизнь. С тех самых пор он вдруг понял, что ощущает исходившую от спрятанных денег энергию страха, и стал точно знать в каком из гаражей, хранятся спрятанные ценности, он их чувствовал, как собака. Вернее, даже не чувствовал, а осязал исходившую от них густую энергию предстоящей беды, и к его четырнадцати годам, в его тайнике уже лежало около пятнадцати тысяч рублей – огромная по этим временам сумма. От этих денег всё время несло опасностью. Но Андрею ощущение края глубокой пропасти только лишь ещё сильнее раззадоривало; ему хотелось увидеть границу зла, границу самопожертвования на которые готовы пойти люди ради этих ценностей.

Тогда же Андрей понял, что для него деньги – не главное. Важным для него являлось то, что он понял, что не такой, как все в этом мире. И ещё он понял, что деньги давали власть. Большие деньги давали большую власть. Но хотел ли он сам стать обладателем власти? Андрей этого не знал. Властвовать над толпами безликих и равнодушных ко всему людей – занятие скучное и предсказуемое. Находясь в стаде, каждый будет считать себя личностью независимой и самостоятельной, но при этом будет слепо подчиняться воле вождя, управлять этим стадом легко и скучно.

Андрей всегда любил наблюдать за людьми, и делать из этих наблюдений интересующие его выводы. Его родители, например, не были богатыми, но они считали, что имеют всё, что им было необходимо, и были счастливы.

Те же, у кого он эти деньги украл, излучали не то чтобы страх, но некоторое беспокойство, по всей видимости достаточно сильно отравляющее их существование. Эти люди боялись своего богатства, боялись ответственности за него, и где-то в глубине своего подсознания хотели от него избавиться. Андрей лишь помогал этим людям осуществить их тайное желание. И это, по мнению Андрея было справедливо и даже гуманно.

Сам он относился к деньгам равнодушно, считая их всего лишь промежуточным звеном между собой и тем, что он хотел бы приобрести. Если можно получить желаемое напрямую, минуя денежную цепочку, то он так и поступал. Здоровье, например, за деньги не купишь, и многое другое тоже.

Андрею нравились процесс и риск, хотя в глубине души он считал, что вообще-то особо не рисковал. Ему хотелось чего-то более масштабного. Хотелось проверить всю глубину своих способностей, которые могут открыться полностью только во время смертельной опасности, и однажды он решил, что пора действовать по-взрослому.

«Нужны подельники, – подумал однажды Андрей. – Грамотные, и не трусливые».

На поиски таковых, Андрей потратил почти полгода, исколесив весь город, он безошибочно определял среди прохожих, людей с криминальным прошлым, и следил за ними какое-то время, но нужные ему качества в этих людях отсутствовали, и он продолжал поиски. Продолжал до тех пор, пока не обнаружил то, что искал.

Их было двое, ранним осенним утром они шли по проспекту Дзержинского, и потом вдруг вошли в подъезд жилого дома, Андрей последовал за ними с интервалом минут в пять.

На втором этаже, один из парней ковырялся в замке входной двери квартиры, а второй стоял на площадке этажом выше.

Андрей прошёл по лестнице мимо них, поднялся на пятый этаж и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Ему никто не ответил, середина недели, все на работах.

Андрей стал спускаться, парней в подъезде уже не было. Гуров улыбнулся и вышел на улицу, интуиция, которой Андрей доверял безраздельно подсказала: он нашёл то, что нужно. Теперь лишь осталось проследить за ними, и выяснить, где находится их лёжка.

Нагруженные под завязку краденым барахлом, парни вышли из подъезда пятиэтажки на Гурьевской, и на трамвае доехали до барахолки, где и притопали к капитальному гаражу в частном секторе, благополучно притаранив у себя на хвосте Андрея.

На дворе стоял конец октября семьдесят четвертого года, Андрей учился во вторую смену и по утрам продолжал следить за парнями. А те, как ни в чем не бывало, ходили на дело почти каждое утро, как на работу. Краденое имущество сбывали по выходным на барахолке. За время их отсутствия Андрей несколько раз уже посетил их гараж.

Мелочёвка, поношенные шмотки, дешевая аппаратура, сразу видно, работяг грабили, решил Андрей.

Но Андрея интересовало не то, что они воруют, а прежде всего, как они относятся к наворованному. Каким образом сбывают, и на что в основном тратят полученные за реализованное барахло деньги.

По мнению Андрея парни были на высоте. Деньги, полученные за реализацию краденого барахла, не пропивали, шмотки сбывали понемногу тут же, на барахолке. В общем, особо старались не светиться. Это было то, что нужно то, что так упорно искал Андрей. Теперь предстояло самое сложное, – познакомиться и убедить их работать вместе, причем на его условиях. Учитывая, что парни были лет на десять старше Андрея задача по их вербовке предстояла нелёгкая.

Город Новосибирск 1974 год

Вербовка подельников

Солома открыл гараж и затащил в него огромных размеров баул, следом, с рюкзаком не уступающем баулу размерами, ввалился Гуня, Солома щелкнул выключателем и обомлел. Гуня, тащивший рюкзак спиной вперёд, не видел пока сидящего на куче ворованного шмотья, сваленного грудой в углу гаража, шутившегося от яркого света пацана, и, когда он всё же обернулся, вид у него был не веселей чем у Соломы.

– Ты кто? – просипел севшим голосом Гуня, и посмотрел на Солому.

Солома пожал плечами.

– Андрей, – ответил пацан. – Ну чё встали как на похоронах, заходите уже, раз пришли, и дверь закройте, а то ненароком милиция нагрянет. Сумки с барахлом в угол пихните, чтоб на проходе не маячили, – тут же распорядился он.

Парни машинально повиновались, закрыли дверь и убрали с прохода сумки.

– Ты чё здесь делаешь, ты вообще, как сюда попал? – опомнился Гуня.

– Так же, как и ты, через дверь. Я ведь не волшебник, сквозь стены пока проходить не научился, – улыбнулся пацан.

– Ты чё лыбу давишь, ты кто такой? – стал приходить в себя Солома, и растопырился как кобра перед броском.

– Я к вам с предложением, выслушайте меня, а потом решение примете, что да как, – ничуть не испугался их грозного вида пацан.

– От кого предложение, тебя кто заслал? – насторожился Гуня, обескураженный таким наглым поведением какого-то сопляка.

– Да никто меня не засылал, я сам хочу вам деловое предложение сделать. Я наблюдал за вами и видел, как вы работаете, времени тратите уйму, а выхлоп пшик, – Андрей картинно

развёл руками. – Да и с замками слишком долго возитесь, сразу видно, что в этом деле вы не профи.

– Ну-ну, юный следопыт, я тебя вспомнил, это ведь ты пару недель назад в подъезде, где мы хату выставить собирались на лестнице шарился? – Гуня посмотрел на Андрея взглядом, не предвещавшим тому ничего хорошего.

– Если ты по глупости решил на нас навариться, то ты не по адресу. Можешь даже не начинать гнилой базар, вали отсюда, пока не накостыляли, – сказал Солома.

– Не угадал, – не смутился пацан. – Я хочу предложить вам деньги, и нанять вас на работу, как раз по вашей специальности. – Но делать вы должны будете только то, что я вам скажу.

– Совсем оборзел, щегол? – Солома криво усмехнулся. – Ищи себе шестёрку в другом месте.

У Соломы от такой наглости просто закипели мозги, настолько ситуация была непонятной.

Андрей достал стоящую за его спиной сумку и пихнул её к Соломе.

– Здесь, пятнадцать тысяч, двенадцать рублями и три тысячи долларов.

Солома расстегнул замок и тихо свистнул.

– Откуда бабло малой, папашу ограбил? – спросил он у Андрея.

Эти непонятки всё больше и больше напрягали парней.

– Я не малой, меня Андрей зовут, деньги эти, я украл в течении всего лишь полугода, – ответил Андрей.

– Да ладно, – протянул Солома. – Хорош гнать, мне за всю жизнь и половины этого не попадалось.

– В том-то всё и дело, что в отличие от вас я точно знаю, где мы сможем взять во много раз больше, – снисходительно улыбнулся Андрей. – Я же сказал, мне люди нужны надёжные, а замки я лучше вас вскрывать умею, сами убедитесь.

Ситуация всё больше походила на какой-то непонятный спектакль.

– Не каждые деньги брать можно, – тихо произнёс Гуня. – Слышал поговорку про то, как жадность фраера сгубила? Деньги такие, только у государства или у очень серьёзных и уважаемых людей водятся. И с теми, и с другими связываться себе дороже. Тебе по малолетству больше червонца не светит, а нам вышка. Это если у государства, а уважаемые люди живут по другим законам, у них возраст не имеет значения – везде достанут.

Однако, Солома был другого мнения. Солома считал, что если по-тихому, то кое-кого пощипать можно, и даже нужно. Главное, вовремя долю в общак заслать кому положено, и тогда всё будет на мази.

Мнения разделились.

Андрей, после того как открыл на спор четыре сложных замка подсунутых ему недоверчивым Гуней, ушёл в школу.

Андрей Гуров считал, что образование должно быть качественным, иначе в жизни ничего не добьёшься, и карьере не сделаешь и в непонятку какую-нибудь попадешь по незнанию.

Быть всю жизнь вором, Андрей не собирался, и относился к происходящему как приключению, разнообразившему его жизнь, для него это было просто хобби.

Встретиться договорились на площади Ленина через три дня – в субботу. За это время парни должны будут принять решение. Об оставленных в гараже деньгах Андрей не сожалел и знал, что на дело потратил, – с лихвой вернутся.

– Ну, что будем делать брат? – Гуня смотрел на рассыпанные по полу гаража деньги.

– Да уж, нет денег – плохо, много, и неожиданно, – тоже плохо. Чую, хапнем мы с этим мелким горюшка, – Солома глядел на рассыпанные по полу гаража пачки денег, сквозь стакан с огуречным рассолом.

После ухода Андрея парни забухали.

– Непростой фраерок. Замки, с которыми я сутки мучился, пока в систему вкупился – на раз открыл, – сказал, лежащий на тряпье в углу гаража, Гуня.

– Слушай Солома, а может его к нам чекисты заслали?

– Охренел? – нужны мы больно чекистам, спят и видят, как Гуню с Соломой на службу подтянуть – парни засмеялись.

– Нужно с Бриллиантом встречаться, долю заслать и благословение получить, пока он из города не свалил куда-нибудь, – предложил Солома.

– Он сейчас в Искитиме, у Лысого тусуется, че тянуть, поехали, только, – на секунду задумался Гуня. – Про Малого, и наши с ним будущие дела – молчок, – засмеют.

– Согласен, – кивнул Солома.

Парни собрались по-быстрому, взяли сумку с деньгами, и отправились на вокзал решив разделить ответственность за предстоящие дела с очень авторитетным человеком – вором в законе Васей Бриллиантом.

– Здорово бродяги, – лысый, огромный детина лет сорока, встретил парней у калитки неприметного частного дома, на краю Искитима. – С чем пожаловали?

– К Василию Николаевичу, с доляхой, – ответил Солома. – Сейчас узнаю, – сказал Лысый, и исчез в доме.

– Здорово Солома, здорово Гуня, —на крыльцо вышел Сам, Вася Бриллиант. – Давненько я вас не видел, совсем забыли старика.

Легенда преступного мира Вася Бриллиант был уже весьма почтенного возраста – восьмой десяток разменял, как-никак.

– Да не с чем идти было, Василий Николаевич, – стал оправдываться Солома.

– Не пыли, – перебил его Бриллиант. – Я уже в том возрасте, когда просто с человеком поговорить хочется, вот доживёте до моих лет – поймёте. Ну, не стойте как истуканы, проходите в избу. Удачный сезон был? – спросил Бриллиант, когда они вошли в дом.

– Здесь, три штуки зелени, – не стал тянуть кота за хвост Гуня, и поставил на стол сумку с деньгами. – А здесь, двенадцать деревянными, – поставил вторую сумку Солома. – Это всё, что у нас есть.

– Ха, – крикнул Бриллиант. – Так это вы начальника мясокомбината обнесли? А я-то голову ломал, кто это такой фартовый оказался? Представляете? Хотел уже сам поиском заняться, а то дело сделано, а вобщак ничего не поступило. Ну, теперь полный порядок. Только зря вы все деньги то принесли, я же не хапуга какой-нибудь, мне и десяти процентов за глаза хватит, – сказал Вася. – Или вы ещё чего натворили?

– Да нет, Василий Николаевич, это всё, – ответил Солома. – Но мы бы хотели работать с вами пятьдесят на пятьдесят.

– Долю предлагаете? – прищурился Бриллиант.

– Можно и так сказать, – кивнул Солома.

Вася понял, что парни нарыли серьёзную тему и им необходимо прикрытие, иначе бы они не стали отдавать ни за что, ни про что пятьдесят процентов.

Бриллиант приказал охраннику, чтобы тот отсчитал из сумок ровно половину лежавших там денег.

– Может, помощь моя в чем нужна? – спросил он у парней. – Говорите, не стесняйтесь, но учтите, беспредела не потерплю и, если в блудняк меня втяните, голову оторву.

– Нужна, Василий Николаевич, ещё как нужна ваша помощь.

– Мы с корешем, решили по-крупному работать, надоело по мелочи щипать, да как бы не попасть, терпили то все серьёзные будут, может кто-то под вашей крышей окажется, хотелось бы без лишних тёрки обойтись, – попросил помощи Гуня.

– А кого, если не секрет пощипать решили? – поинтересовался на всякий случай старый вор.

– Да, цеховых, слишком много их в последнее время развелось, – криво ухмыльнулся Солома.

– Не бздите, работайте смело, будут тёрки, будем разбираться, а я их бабло у государства ворованное охранять от фартовых не нанимался, главное, вобщак вовремя отстёгивайте, – благословил Вася.

– Премного благодарны за благословение, Василий Николаевич, нам пора, здоровья вам и всего доброго, – откланялись парни.

– И вам того же. С Богом, бродяги, – попрощался с ними Вася Бриллиант.

– Проследи, – сказал Бриллиант охраннику. – Если с жалобой кто на них заявится, чтобы рот шибко не разевали, гони в шею.

– Сделаю, – ответил охранник.

Вася Бриллиант, Законник, родился в 1903 году и ещё до революции успел отмотать срок по малолетке. Профессия у Васи была в преступном мире уважаемой – щипач высшей пробы. И с тех пор Вася почти всю жизнь провел на нарах, заработал нешуточный авторитет и был коронован на Сусуманской Тюреме. Так и жил, пока не состарился вместе с государством, которое его кормило и пило.

Вася был очень умным и образованным человеком, правда образование его было неофициальным, что, однако, не мешало ему быть отличным экономистом. И, в отличие от многих политиков, Вася уже давно заметил трещины, которые вели к гибели Союза, а поскольку воровские понятия копируют государственное устройство, то и они в скором времени неизменно уйдут в небытие.

– То есть, конечно, свято место пусто не бывает, но это уже будут другие понятия и другие воры, – рассуждал на досуге Вася.

Вот и сейчас, пришли бродяги просить благословения на грабёж цеховиков, таких же, как сами, преступников.

Правда и вобщак цеховики не платили, но ведь и их понять можно было. Нахрен им общак, если у них статья сто процентов расстрельная, на зоне им не сидеть, и значит общаком не пользоваться. Ещё совсем недавно это была категория уважаемых людей, а теперь всё идет к тому, что их будут рвать на куски молодые волки.

– По-любому ведь порвут. Так пусть получают благословение и несут в общак деньги.

Сам Вася относился к категории цеховиков с недоверием и не любил эту братию. Деньги должны приносить удовольствие, когда их тратят или они дают власть. Хранить деньги в подвале как скупой рыцарь и молиться от страха чтобы не дай Бог никто не узнал об их существовании, было для Васи никогда не скрывавшего своего положения, совершенно непонятным явлением. Попав на крючок, цеховики легко сдавали и себя и своих поделщиков. Терять им было нечего – впереди вышка.

– О-хо-хо, старость не в радость, пойти коньячку что ли тяпнуть? – Вася Бриллиант, по-стариковски шаркая по полу ногами в старых войлочных тапочках, поплёлся на кухню.

- Мы согласны с тобой работать, – сказал Солома Андрею.
- Не со мной, а на меня, – поправил его Андрей. – Так, как я скажу, это моё условие.
- Хорошо, как скажешь, босс, – шутливо поднял руки Солома.
- Договорились, – протянул ему руку Андрей. – А ты, что молчишь? – спросил он стоявшего рядом с Соломой Гуню, – или ты не согласен?
- Согласен я, конечно согласен, куда же я без своего кореша, – кивнул тот на Солому, и протянул Андрею руку.

Они сидели на скамейке у Оперного театра. День выдался солнечным и по-летнему тёплым, хотя аллея была усыпана осенней листвой, навевавшей какое-то благодушное настроение, и все вдруг поверили, что всё действительно будет хорошо.

– Работать будем втроём, – сказал Андрей. – Ворованные шмотки, выбросьте из гаража, а ещё лучше сожгите, а то не дай Бог спалитесь на пустом месте. Брать будем исключительно деньги, никакого золота, никаких других ценностей. Доли будут у всех одинаковые. И самое главное, в родном городе больше никаких краж. Работать будем в командировках. Схема простая. Я выезжаю на соревнования, вы следом, я нахожу барыгу, мы его выставаем. Вы берёте бабло и сваливаете, и ждёте меня дома. Без меня никаких дел, – сразу взял быка за рога Андрей, как только получил согласие от парней на совместную работу под его руководством.

– Окей босс, – улыбнулся Солома.

А Гуня, дурачась, отдал Андрею честь.

Похоже парни, не очень-то серьёзно относились к тому, что говорил Андрей.

«Ничего, – подумал Гуров. – Как только настоящий куш снимут, хотя бы раз, шёлковыми станут».

- К пустой голове руку не прикладывают, – засмеялся Андрей.
- Позвольте спросить, босс, – ёрничал Гуня, – о каких соревнованиях идёт речь?
- Я кандидат в мастера спорта по стрельбе из пистолета, – ответил Андрей.
- Так с тобой и сберкасса взять можно! – шутливо присвистнул Гуня.
- Можно, – серьёзно ответил Андрей. – Но мы этого делать не будем.

Глава 2

Город Новосибирск 1978 год

Испытание

Прошло четыре года. За это время Андрей с парнями объехали почти все союзные республики, и в каждой безошибочно находил подходящие для кражи объекты. Денег подняли немерено.

Только в общак перечислили более шестисот тысяч советских рублей. Солома с Гуней боготворили своего босса и уважительно называли его Графом.

И, хотя Андрей был главарём их небольшой группировки, парни за глаза конечно считали его малым, и всячески опекали. Не дай бог, кому-нибудь пришло бы в голову обидеть Андрея, они бы просто порвали обидчика.

Андрей закончил первый курс НГТУ, и собирался завязывать с воровством. Денег и так уже некуда девать было. Его подельники, люди далеко не глупые, тоже в принципе были с этим согласны.

Учился Андрей легко, он мог бы если захотел сдать экзамены за полный курс обучения прямо сейчас, в этом не было ничего удивительного. Андрей много и упорно читал книги имеющие косвенное отношение к учебному процессу, где многое ему было непонятно, но он и не старался всё запомнить или осмыслить. Понимание приходило позже, само собой, когда его подсознание подсказывало ему верное решение. Он так всегда учился, даже больше – он так жил.

Деньги открывали дорогу к власти. Но нужна ли была Андрею власть?

Наверное, нет. Андрей знал, что этот мир подчинён жесткой иерархии, и достигнутая с помощью власти свобода только кажется таковой, ибо пределов у пирамиды власти не существует, потому, что на вершине всегда будет маячить кто-то ещё более могущественный. Да и вершина эта похожа на вывернутую наизнанку, перевёрнутую пирамиду.

Андрей всё это понимал, как понимал и то, что без образования добиться сколько-нибудь существенного положения в иерархии маловероятно, а быть тыбиком ему не хотелось. И так плохо, и так нехорошо, придётся подчиняться законам мироустройства хочется этого или нет, и уж если так всё устроено, он будет стремиться как все, к вершине власти.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

В августе тысяча девятьсот семьдесят восьмого года возвращаясь вечером домой с дачи, родители Андрея, попали в аварию, погибли все, и родители, и виновник ДТП.

После похорон Андрей долго не мог прийти в себя, часами лежал в опустевшей квартире бесцельно глядя в потолок. В самом конце августа он всё же заставил себя собраться и выйти на улицу.

Андрей сидел на скамейке возле Оперного театра, погруженный в свои невесёлые мысли. На край скамьи несмело присела симпатичная, совсем ещё молоденькая девушка с книжкой в руках.

– Можно? – смущённо спросила она Андрея.

– Конечно можно, – Андрей пожал плечами.

Мимо как раз проходила торговка цветами.

Андрей, сам не зная, зачем, подозвал её и купил большой букет роз. Он вдруг вспомнил, что ни разу, никому кроме матери, не дарил цветы, ему просто до боли захотелось сделать сидящей рядом девушке что-нибудь приятное, устроить ей праздник.

– Это тебе, – протянул Андрей девушке букет.

Девушка засмушалась, но букет взяла.

– Спасибо, мне ещё никто цветы не дарил, – сказала она, и ещё больше смутилась. – Меня Катя зовут.

– А меня Андрей, – впервые за несколько дней Андрей улыбнулся. – Может погуляем? На набережную ходим, – предложил он девушке.

– Пошли, – радостно закивала головой Катя, и, уткнувшись в букет, снова засмушалась.

– Я из Маслянино приехала, в медицинский поступила, у бабушки на Красина живу, – тараторила Катя. – Трудно было невероятно, конкурс сумасшедший, но я прошла. Хорошо, что бабушка помогала готовиться, она врач с очень большим стажем. Учиться будет ещё тяжелей, одна латынь чего стоит, – без остановки говорила Катя.

Андрей набросил Кате на плечи свой пиджак.

– Ничего, ты справишься, по глазам вижу, – утешил Катю Андрей.

– Правда? – Катя остановилась, посмотрела Андрею в глаза и вдруг прижалась к нему, такому сильному и как ей показалось надёжному.

Андрей поцеловал Катю в губы, это был его первый поцелуй.

Они гуляли по ночному городу до утра, а потом пошли к Андрею домой.

Катя спала, положив голову Андрею на плечо, а он лежал и думал, о том, что в глубинке сохранились такие вот наивные и чистые девушки, способные доверять первому встречному. Душа этой девушки ещё не была испорчена, ещё не ощутила на себе влияния большого города, и черная городская копоть ещё не коснулась её.

Андрею стало грустно. Он знал, что очень скоро от этой детской наивности и все веры в людскую доброту не останется и следа. Город проглотит её, переварит и выбросит на свои улицы циничную и расчетливую хищницу.

Они провалялись в кровати весь день, а вечером Катя засобиралась домой.

– Бабушка будет волноваться. Да и неудобно мне перед ней, только приехала и уже... – Катя покраснела.

Был уже двенадцатый час ночи, когда Андрей с Катей подошли к дому, в котором жила её бабушка.

Во дворе дома сидела большая компания местных парней. Андрей кожей почувствовал опасность.

Парни проводили парочку хмурыми взглядами и, если бы со двора был другой выход, Андрей не стал бы испытывать судьбу, проводил Катю и свалил бы по-тихому. Но другого выхода не было.

Когда Андрей, проводив Катю до подъезда, возвращался обратно, выход со двора был уже перекрыт.

Четверо бугаев, явно старше Андрея, стояли растянувшись цепочкой.

Андрей был мастером спорта стрельбы, а не самбо или бокса, да и бег с препятствиями бы не помешал. Он усмехнулся своим мыслям. Парни заметили его усмешку и отнесли на свой счёт.

– Ты чё лыбишься фраер? – надулся самый здоровый из четверки. – Зубы жмут?

«Завтра от этих переростков костей не останется, – подумал Андрей. – Но это завтра, слабое утешение, а сейчас, походу, меня вверх ногами закапывать будут».

– Говори, что хотел или уйди с дороги, – решил дерзить Андрей, поскольку уже было всё равно.

– Да ты у нас борзый! – взъерепенился здоровяк, однако уверенности у него поубавилось.

– Я слушаю, – Андрей прищурил глаза и словно взял здоровяка на прицел, взгляд у него при этом стал колючим, и видимо было в этом взгляде что-то такое что заставило здоровяка сдать позиции.

– Слышь фраерок, ещё раз увижу тебя с Катюхой ноги переломаю. Усёк?

«Бить сразу не стали, уже неплохо», – анализировал ситуацию Андрей.

– Усёк! – ответил Андрей. – Это всё что ты хотел мне сказать?

– Всё, – удивился проявленной борзоте, и внезапной уступчивости Андрея здоровяк, явно разочарованный таким поворотом.

Он ожидал проявления страха. Ожидал, что парень, напуганный грозным видом толпы, начнёт ныть и умолять о пощаде. Или наоборот, полезет в драку, и тогда, можно будет со спокойной совестью ему накостылять.

– Ну, тогда спокойной ночи. – Андрей пошёл прямо на парней, и они, смущённые тем, что не смогли его просчитать, уступили ему дорогу.

Андрей вышел со двора и побежал, вломился в какие-то кусты и перелез через какой-то металлический гараж и только тогда остановился, и перевёл дух.

– Пронесло. Надо завязывать по ночам по чужим дворам шастать, а то обидно ведь будет, если какие-то быки, ни за что здоровье отнимут. Надо Соломе позвонить, чтобы разобрался с этими дуболомами. У Соломы для этого случая десяток спортсменов прикормлены. А может оно и к лучшему, – успокаивал себя Андрей.

Дурить голову девчухе он не хотел.

– Пора, пожалуй, прекращать этот роман, пока всё не зашло слишком далеко.

Утром позвонила Катя и сказала, что ей срочно необходимо уехать на неделю домой в Маслянино, за ней отец на машине приехал, попросила Андрея не волноваться и чмокнула в трубку.

«Ну вот и хорошо, – подумал Андрей. – За неделю много воды утечет».

И оказался прав

Этим же вечером, Андрей решил прогуляться в центральном парке.

Погода стояла хорошая, вокруг было много людей, семейные пары, мамы с колясками, какая-то молодёжь. Андрей бесцельно бродил по аллеям. Стемнело, и в парке зажгли фонари. Захотелось куда-нибудь уединиться, собраться с мыслями, и Андрей свернул в глухую, слабо освещённую аллею с одинокой скамейкой. Его вдруг охватило чувство опасности, захотелось немедленно уйти с этой аллеи.

Он уже подходил к скамейке, когда из кустов, прямо на него, выскочил вчерашний амбал, сбил Андрея с ног и навалился на него сверху.

Но как-то странно навалился – повалил и обмяк. Андрей кое-как смог выбраться из-под него. Он ещё барахтался, когда услышал:

– Так, а что это у нас тут происходит? – раздался у Андрея над головой суровый голос.

Прямо над ними стоял наряд милиции – совсем молодой сержантик и пожилой уже старшина.

– Встали оба, подошли сюда, – скомандовал старшина.

Андрей наконец вылез из-под огромной туши, поднялся и подошёл к старшине, сержант кинулся к продолжавшему лежать амбалу.

– Михалыч, он, кажется того, мёртвый.

– Стоять! – заорал моментально среагировавший старшина, от его, ещё мгновение назад вальяжной позы, не осталось и следа.

Он молнией метнулся к Андрею, и, заломив ему руки за спину, надел наручники.

Андрей смотрел на происходящее как бы со стороны, настолько все было нелепым.

Амбала перевернули на спину, в левом боку почти под мышкой у него торчала рукоять огромного ножа.

– Да он весь в кровище, Михалыч, – услышал Андрей, проследил машинально за взглядом старшины и оторопел.

Он действительно был в крови. Весь. С ног до головы.

– За что ты его? – спросил старшина.

– Это не я... – промямлил не ожидавший такого развития событий Андрей.

Старшина махнул рукой, мол как знаешь, не хочешь говорить – не надо, и стал по рации вызывать опер группу.

На допросе у следователя, уже в отделе, Андрей рассказал всё как было.

– Скажите Гуров, вам доводилось ранее встречать убитого?

– Да, – ответил Андрей, – вчера вечером этот парень предъявил мне ультиматум. Я проводил до дома свою знакомую, а этот парень, наверное, жил где-то рядом, и вероятно имел на неё виды, ну и очень настойчиво попросил меня оставить эту девушку в покое.

Дело вёл пожилой следователь, уставший и от жизни собачей и от опостылевшей уже работы. Ему очень хотелось домой, дело это было для него ясное как белый день.

– Мотив налицо, – следователю было даже жаль парнишку.

Скорее всего этот бычара выследил его и хотел разобраться в тёмном уголке, а парнишка просто со страху ткнул его несколько раз ножичком, так как шансов в рукопашной у него не было никаких, и побежал, а потерпевший за ним в горячке, догнал и умер от потери крови. А тут наряд вовремя подоспел.

Осталось допросить свидетелей их вчерашней стычки и можно передавать дело в суд.

В ИВС, куда определили Андрея, кроме него находилось ещё двое горемык. Один как выяснилось, залетел серьёзно, а второго, скорее всего, утром отпустят.

Вот к нему то Андрей и подкатил.

– Денег хочешь заработать?

– Чё нужно передать? – сразу врубился парень.

– Ничего особенного, – сказал Андрей. – Всё как обычно, просто позвони по этому номеру, – Андрей продиктовал номер телефона Соломы. – И скажи, что Андрея Гурова закрыли, и всё с тобой встретятся и отблагодарят.

Утром, парня действительно выпустили, и он, не откладывая, в надежде на вознаграждение, позвонил по указанному Андреем номеру, и уже через час встретился с Соломой.

Солома внимательно выслушал парня, спросил, знает ли он, за что закрыли Андрея, и, не услышав внятного ответа на свой вопрос, сунул ему сотенную и отпустил. Парень поблагодарил и радостный убежал опохмеляться.

Солома же с ближайшего автомата набрал Гуне и дождавшись ответа коротко бросил:

– У нас беда, малого закрыли, похоже, мокруху шьют, через час у меня, – и повесил трубку.

– Что случилось? – спросил Гуня с порога.

– Сам не знаю ничего, – пожал плечами Солома, закрывая за Гуней дверь.

В комнате, в кресле уже сидел маленький суетливый старичок – определённый Соломой на постоянный оклад ещё два года назад – их собственный адвокат.

– Гонец от Андрюхи утром был, он и сказал, что закрыли его по мокрому, а чё почём, мол, и сам не в курсах. В Центральном, в ИВСе парится.

– Ну что, Абрамыч, пора тебе оклад свой обрабатывать по ходу, хотя лучше бы ты без работы сидел, – сказал Солома старичку.

– Я тогда поехал, – поднялся с кресла адвокат. – С такими делами нельзя затягивать.

– погоди, не суетись. Вместе поедём, на моей машине. Мы же тут с ума сойдём, – остановил его Гуня.

– Влип Гуров, очень серьёзно влип, – адвокат вытер платком вспотевший затылок.

– Ну не тяни ты жилы, Абрамыч, – Гуня повернулся к сидящему на заднем сиденье Волги адвокату.

– Всё против него, – и Абрамыч рассказал, как обстоят дела. – Гуров клянётся, что не убивал этого человека, но факты подтверждают обратное, и мотив имеется – девушка какая-то, – качал головой Абрамыч.

– Ладно Абрамыч, всё ясно, что ни хрена не ясно, занимайся дальше, ищи лазейки. Тебя куда подвезти? – спросил Солома.

– Я тут останусь пока. Пойду к знакомым следакам загляну, может ещё чего нарою.

– Ну, тогда до вечера, вечером в восемь, сбор у меня, – Солома пожелал Абрамычу удачи, и они с Гуней уехали.

Солома отвечал за безопасность группы, содержал десяток спортсменов и был у него ещё один человек, о котором не знали даже его друзья. Этого человека Солома держал на самый крайний случай, если придётся кого-нибудь убрать.

Но пока, слава Богу, до таких крайностей не доходило.

По договорённости, в случае любого наезда, о нем нужно немедленно информировать Солому. Но Андрей почему-то пренебрёг этим правилом, хотя именно он являлся инициатором создания «службы безопасности» группы.

И теперь Солома с Гуней, захватив с собой двух боксёров, ехали на разговор к тем недомкам, которые попёрли позавчера вечером на Гурова.

Во дворе дома, где жила Катина бабушка, на скамейке сидели человек десять парней, и что-то оживлённо обсуждали.

Солома не увидел среди них ни одного авторитетного бродягу, всех городских авторитетов Солома знал, и был с ними знаком, но он проявил уважение и поздоровался.

– Здорово бродяги, – сказал Солома.

– И тебе не хворать, – нехотя ответили парни, не очень-то дружелюбно оглядывая Солому и его спутников.

– Тут позавчера вечером кипишь был, – начал Солома.

– Ну, был! – перебил его один из парней. – Тебе то что, мент что ли?

– На моего друга наехали, хотелось бы посмотреть в глаза этим самоубийцам.

– Ты чё родной, рамсы попутал? – поднялся со скамейки ещё один парень, а следом и все остальные.

Из толпы вышел высокий, весь в татуировках, пожилой, сразу видно из блатных, местный авторитет.

– Так это ваш фраер нашего кореша завалил? – спросил он, поигрывая финкой. – Ну тогда с вас причитается. Фраера вашего, как только на тюрьму привезут, сначала в петушинный угол определяют, а потом порешат. Я уже и маляву насчёт его заслал кому следует. А с вас, мудаки, мы прямо сейчас спросим...

Солома чуть шевельнул головой, и блатной в татуировках, не успев договорить повалился на землю, а следом за ним и все остальные.

– Готово, – сказал один из боксёров, снимая с руки, и пряча в карман свинцовый кастет. Второй, нанёс ещё несколько ударов тем, кто попытался подняться.

Солома присел на корточки возле татуированного и потрепал его по щеке.

– Слушай меня внимательно корешок, – зашипел как змея Солома, когда тот открыл глаза. – Ты меня хорошо слышишь? Кивни.

Блатной кивнул.

Ответить Соломе он не мог по причине сломанной челюсти.

– Если с головы моего друга по твоей, или по чьей-либо ещё вине, упадёт хоть один волос, или он случайно поскользнётся на мыле я тебя не сразу убью. Ты у меня месяц подыхать будешь, и очень просить, чтобы я тебя дорезал. Ты понял меня? Кивни.

Блатной молча кивнул.

– Молодец, – Солома врезал ему по сломанной челюсти, и блатной вновь отключился.

Боксёров высадили на площади Ленина.

– Нужно срочно ехать к Бриллианту, пора Андрюху представлять, а то худо может быть, – сказал Солома с озабоченным видом. – На зоне полно придурков.

– Погнали, – согласился с ним Гуня, и «Волга», взревев мотором понеслась в Искитим.

Охранник на этот раз сразу их не пропустил.

– Гости у него, щас спрошу, – сказал он через калитку, и ушёл в дом.

– Проходите, – пригласил их вернувшийся буквально через минуту охранник.

За заставленным снедью столом сидели двое мужчин лет пятидесяти.

– Аааа, легки на помине, – Бриллиант встретил их у порога и обнял.

– Вот, познакомьтесь уважаемые, это те самые фартовые, что за четыре года в общак почти миллион косых принесли, Солома и Гуня, – представил Бриллиант парней присутствующим.

Гости уважительно кивнули.

– А это законники, Хром и Кодя, – представил гостей Бриллиант. – С чем пожаловали? Говорите, все свои.

Солома рассказал присутствующим всё как есть.

– Ну, ребятки, я думал меня уже нечем удивить. Надо же, пацан у вас боссом ходит.

– Так выходит, это его темы были? – спросил Вася Бриллиант.

Солома с Гуней кивнули.

– Его Василий Николаевич.

– Хитрый пацан и умный. Вас вышколить сумел, и сам за всё время ни разу не засветился.

– Надо помочь пацану, — подал голос Хром.

– Заслуженный пацан, – поддержал его Кодя.

– Ну что, имеет право рассчитывать на нашу помощь, – согласился Бриллиант.

– У вас всё? Тогда за стол. За пацана вашего не волнуйтесь, теперь у него будет всё в ажуре.

Не успели Солома с Гуней покинуть гостеприимную компанию Васи Бриллианта, как к нему пожаловали новые гости.

Это был хорошо известный Бриллианту Мося, пожилой, бродяга.

Мося прибыл не один. Вместе с ним приехал его переводчик, потому что сам Мося говорить не мог, по причине, сломанной в нескольких местах челюсти.

Из их рассказа следовало, что какой-то фраер из молодых, завалил Мосиного кореша. А потом, за него впрягся другой фраер.

Кто такой этот фраерюга, Мося не знал, но по базару в авторитете, поэтому и приехал к Васе искать справедливости.

Во время разборки, Соломины кореша, прямо на стрелке, сломали Мосе по беспределу челюсть, и отметелили ещё кучу народу. И теперь, Мося просит восстановить справедливость, и наказать этих фраеров обозревших.

Разговор происходил в присутствии Васиных гостей, которые всё ещё находились под впечатлением услышанного за столом рассказа Соломы, о невероятно везучем пареньке, принесшим в воровской общак кучу бабла.

– Похоже Мося, чуйка твоя знаменитая тебя покинула на старости лет, – проскрипел Бриллиант. – Как это тебя угораздило угрожать таким уважаемым людям, какими являются Граф с Соломой?

– И с чего это ты вдруг решил, что именно Граф завалил твоего кореша? – задал вопрос Кодя.

– Как это с чего? – удивился Мося.

– Его ж мусора за это дело закрыли, – перевел Мосин переводчик.

– С каких это пор, для тебя мусора стали последней инстанцией в разборках между блатными? – недобро прищурился Бриллиант.

– Но мы-то не мусора, – сказал Кодя. – У нас, например, другие сведения по этому вопросу.

– Если ты считаешь, что это Граф завалил твоего друга, то ты можешь ему предъявить сам, если пожелаешь, – сказал Кодя, – но подпрягать братву, это не по понятиям. И отвечать перед людьми придется, если ошибешься.

– Я слышал, что Граф не убивал твоего кореша, – сказал Вася Бриллиант, – это версия мусоров, сам знаешь, как они работают. – А мы, – Вася оглянулся на своих гостей, и те подтвердили его слова кивками голов, – поддерживаем Графа, как правильного во всех отношениях бродягу, и заявляем, что если с него хоть один волос упадет по беспределу, то я сам, лично, вырву тебе, и твоей братве печень. Свободен! – махнул рукой Вася, и охранник выставил Мосю и его переводчика на улицу.

На третий день после задержания, Гурова перевели в следственный изолятор, где предыдущей ночью, смотрящий за тюрьмой получил малявы сразу от трёх воров в законе, Бриллианта, Хрома и Коди, в которых говорилось о том, что скоро на тюрьму заедет очень важный арестант, с неограниченным доступом к общаку. Арестанта зовут Гуров Андрей Фёдорович, погоняло Граф, его необходимо достойно встретить. Про возраст арестанта в маляве ничего написано не было, и смотрящие за хатами ожидали солидного человека с соответствующими татуировками.

Андрей вошёл в камеру и остановился, ожидая пока глаза привыкнут к полумраку.

Камера была основательно переполнена, спали в две смены, по очереди, и новому сидельцу, конечно же, не обрадовались.

Андрей поздоровался. Ответа не дождался и продолжал стоять у входа примериваясь куда бы ему присесть.

– За что закрыли? – спросил сидящий за столом парень.

Андрей назвал статью.

– А по жизни чем занимаешься? – продолжил допрос парень.

– Студент, – ответил Андрей.

– Ну, вот и с погонялом определились, теперь ты «студентом» будешь, всю жизнь.

– Спасибо за заботу конечно, но меня уже люди Графом называют.

– Это какие люди... – начал, было, парень.

Но лежавший на шконке справа у окна старик, вдруг цыкнул на него, и, обратившись к Андрею спросил:

– Гуров?

Андрей кивнул в ответ.

– Я – Зёза, – старик поднялся со шконки и подойдя к Андрею протянул ему руку. – Я тут смотрю за хатой, а за тебя, парень, малява пришла, от очень уважаемых людей.

Андрей и не сомневался, что так и будет, и лишь кивнул в ответ.

Старик оценивающе оглядел Андрея, сделал знак рукой, стоящему рядом суетливому пареньку неопределённого возраста, тот сразу метнулся к закрытому железными жалюзи окну без стекла, отправлять маляву смотрящему.

Зёза указал на кровать напротив своей.

– Занимай, твоя.

За свою долгую жизнь Зёза всякого повидал, и возраст Андрея его нисколько не смутил. «Бывает, – подумал он, – бывает и так, что сегодня корона на голове, а завтра жопа на параше или заточка в печени, поживем увидим».

– Первая ходка? – поинтересовался Зёза.

Андрей кивнул.

– Слушай, что люди бывалые говорят, присмотришься, подумай прежде чем что-то сделать или сказать, – наставлял Андрея Зёза. – Зэк, как сапёр, ошибается только раз. Зона ошибок не прощает, за ошибку спрос серьёзный и даже воры не помогут, несмотря на твою молодость в тюрьме возраста нет, здесь все одинаковые. Присаживайся к столу, чем богаты... – пригласил он Андрея. – Сейчас просто червячка замори, а вечером встречу организуем, как положено.

За столом волшебным образом образовалось пустое пространство, зато на столе появились копченая колбаса, сало, конфеты и чай. Андрей почувствовал, что зверски проголодался, но на еду не набросился, отрезал немного колбасы и взял одну конфету.

– Да ты не менжуйся Граф, – подбодрил его Зёза, – за тебя всё проплачено. – Ешь давай, не стесняйся.

Андрей не заставил себя уговаривать.

Зёза-то знал, что означает написанная в маляве фраза – без лимитного пользования общаком, это значит, что теперь вся хата будет есть и пить за счёт Графа, причём сытно есть и сладко пить, в основном коньяк.

Вечером хата будет ломиться от жратвы. «Это сейчас братва косится на Графа, а завтра они его на руках носить будут, и мух от него отгонять», – ухмыльнулся Зёза.

В общем всё именно так и было.

Андрей провел в СИЗО три недели, и скоро его должны были увезти на суд.

Адвокат пытался уговорить Андрея сознаться в убийстве и обещал вывести всё на самооборону, но Андрей наотрез отказался брать на себя то чего не совершал.

– Гуров упёртый, я предлагаю единственно верный ход в его ситуации, а он ни в какую не хочет меня слушать, – жаловался Абрамыч Соломе. – Он не хочет сотрудничать со следствием, и менты могут повернуть дело так, что это он заманил своего соперника в парк и зарезал его там. А это уже умышленное, заранее спланированное убийство, и срок вплоть до вышки, – помахал указательным пальцем слегка поддатый Абрамыч.

Слегка пьян – это обычное состояние Абрамыча, но на качество его работы оно не влияло, и клиенты с этим мирились.

Абрамыч оказался прав. На суде Андрея осудили именно за умышленное убийство и приговорили к двенадцати годам усиленного режима, и вечером следующего дня Андрей уже валялся на шконке в десятом отряде, в третьей колонии города Новосибирска.

Унывать и канючить было не в правилах Андрея, но и срок такой мотать он тоже не собирался, и, не успев заехать сюда, он уже обдумывал план побега. В голову ничего путного не приходило, ничего кроме подкопа, бред в общем, а может и не бред, если найти человека, умеющего рыть такие подкопы. Нужно озадачить Солому, пусть проверит территорию вокруг зоны.

Солома проверил периметр вокруг колонии. В общем неплохо. С обеих сторон лес.

Копать желательно сразу с зоны и с воли, главное найти место тихое на территории зоны.

Андрей стал собирать информацию о том, что где расположено на зоне.

Единственное здание, стена которого выходила на территорию контрольно-следовой полосы находилось на южной стороне. И в нём располагалось профтехучилище, в котором обучали не имеющих профессию осуждённых. Напротив, сразу за забором, были погребов местных жителей – идеальное место.

Андрей обратился к начальнику отряда, с просьбой отправить его на обучение в ПТУ.

– Ты же блатной, все равно работать не будешь, – начальник не хотел подписывать направление. – Или масть решил поменять? – с надеждой поинтересовался он у Андрея.

Андрей пожал плечами.

– Срок большой, гражданин начальник, всякое может случиться.

– Это верно, – согласился начальник. – Если лампас наденешь, по половинке за хорошее поведение можешь соскочить.

– Я подумую, – пообещал Андрей, и повеселевший отрядный подмахнул заявление.

Вакантное место оказалось в группе штукатуров-маляров. Андрею было всё равно, и он согласился.

И не прогадал. Весь день осуждённые учились на специальной стенке правильно класть штукатурку, а вечером, а порой даже и ночью, штукатурку со стены снимали и готовили стенку к следующему дню занятий. Утром, перед завтраком приезжала машина, и старую штукатурку вывозили на свалку.

На этом-то Андрей и построил свой план побега. Если ночами копать подземный ход и землю из тоннеля смешивать со сбитой штукатуркой, которую утром вывезут вместе с землей, то никто ничего и не заметит.

Теперь предстояло найти рабочих и грамотного горного мастера из числа осуждённых конечно, способного не только вырыть тоннель, но и рассчитать так, чтобы тоннель вышел точно в заброшенный погреб за запреткой, на который Солома уже повесил свой замок.

И времени на поиск специалиста у Андрея было немного, от силы неделя, потому что копать придётся ещё пару месяцев потихоньку, а там и обучение закончится.

С пехотой оказалось несложно. Зацепил с соседнего отряда шестерых чмырей которые за себя постоять не могли и жизнь на зоне была им нелегкой, и взял их под свою защиту. На следующий же день все шестеро написали заявления с просьбой отправить их на обучение профессии штукатур. А вот со специалистом пришлось повозиться, искал его целую неделю. Мужик по пьяни задавил на машине своего соседа за то, что тот положил глаз на его жену, и теперь места себе не находил, считая, что его благоверная крутит без него направо и налево. Его даже уговаривать особенно не пришлось.

Итак, теперь всё было готово, для того чтобы начать рыть тоннель. Помогло то, что сбивать старую штукатурку никто не хотел. Работу эту выполняли по очереди все обучающиеся, и были от этого не в восторге. Кому ж охота вместо отдыха землю таскать?

Поэтому, когда Андрей предложил сколотить постоянную бригаду для этих целей и выставил своих людей, все только обрадовались, и начальство, в том числе.

В итоге вышло даже интересней чем предполагал Гуров. Его поставили старшим и разрешили бригаде ночевать в ПТУ, под замком, разумеется.

Ночью вскрыли деревянный пол и стали копать, утром всё закрыли как было. Копали, не торопясь, часто сверяясь с выбранным направлением. Командовал этой работой «Отелло» как прозвал Андрей горного мастера. Всем участникам Андрей обещал по пять тысяч рублей после окончания работы. На воле этим парням за всю жизнь таких денег не заработать, поэтому рыли они, как кроты: не торопясь, но быстро.

В самом конце февраля, подземный тоннель вышел в нужный погреб, а ночью первого марта восемь осужденных покинули территорию колонии. В условленном месте стоял тентованный грузовик с ключами в замке, беглецы нырнули в кузов, Андрей с мастером сели в кабину, завелся двигатель, и машина покатила в сторону Бердска.

В районе «Светлой» Андрей свернул на дачную дорогу, петлявшую в сосновом бору и, проехав ещё метров сто пятьдесят, затормозил у стоящего на обочине выдавшего виды запорожца.

– Приехали, – сказал он сидящему с ним в кабине горному мастеру, и выпрыгнул из кабины на подмёрзший за ночь снег.

Парни, словно горох, посыпались из кузова. Андрей подошёл к запорожцу, открыл дверь и вынул из салона бумажный сверток и большую спортивную сумку.

– Переодевайтесь, – бросил Андрей сумку парням.

Парни быстренько скинули с себя испачканные землёй робы и переоделись в гражданскую одежду. Теперь, если бы не короткие стрижки, которые они прикрыли кепками, их трудно было бы отличить от обычного жителя большого города.

Андрей высыпал на капот содержимое пакета – перемотанные бечёвками пачки денег, семь пачек по пять тысяч рублей в каждой, и раздал деньги, всем поровну, как и обещал.

– Ко мне претензии имеются у кого-нибудь? – спросил Андрей на всякий случай, просто для очистки совести.

– Какие претензии Граф, всё путём, – ответил за всех довольный горный мастер.

– Ну, тогда наши дорожки расходятся, удачи вам парни! – простился с ними Андрей, сел за руль запорожца и поехал дальше по дачной дороге.

Там, у реки его ждали Солома с Гуней.

Андрей проехал ещё километра два петляя по дачному обществу и остановился на пустынном берегу Оби, возле «Волги» с погашенными огнями.

Солома с Гуней затискали своего кореша, Андрей быстренько переоделся, надел на бритую голову парик, и сел на заднее сиденье, Солома завалился рядышком.

– Трогай Гуня, нас ждут великие дела, – сострил Солома.

И «Волга», с выключенными фарами, стала выбираться с территории дачного общества, и лишь на дамбе, ведущей в Матвеевку. Гуня включил фары.

– Бережёного Бог бережет, – прокомментировал он свои действия.

– А не бережёного конвой стережет, – продолжил известную поговорку Солома, и хлопнул Андрея по плечу.

– Не унывай бродяга, теперь ты с нами! – крикнул Гуня, лихо выворачивая руль.

– Тише ты, обормот, не кирпичи везёшь! – заорал на него Солома.

Оставшись после отъезда Графа в одиночестве, парни рванули на грузовике в город. Деньги, полученные от Графа, уже не давали им покоя и едва дождавшись утра, они, затарившись водярой, завалились толпой на хату одной лярвы, с которой мутил когда-то один из них, единственный житель Новосибирска. Все остальные были из области. И лишь только горный мастер, нанял такси и помчался к своей ненаглядной в Кемерово.

Кипишь на зоне начался утром, как только начальник ПТУ пришёл на работу, и обнаружил ничем не прикрытый вход в тоннель.

Сразу же была объявлена операция «перехват», и начато расследование происшедшего инцидента, по результатам которого были уволены за халатное отношение и несоответствие занимаемым должностям следующие лица:

Это ДПНК-дежурный помощник начальника колонии, начальник отряда, начальник режимно-оперативной части, за то, что допустили грубейшее нарушение режима содержания, осуждённых позволив им проживать на территории ПТУ. Также был срочно отправлен на пенсию начальник охраны колонии, за ненадлежащий контроль над осуждёнными, и за плохую организацию караульной службы.

Часовой на вышке видел, как ночью из погреба, расположенного всего в пятнадцати метрах от поста охраны вылезли люди и потом ушли в сторону улицы Звёздной, где и скрылись за углом пятиэтажки. Он видел, но не доложил об этом начальнику караула, посчитав происходящее за оградой колонии, не относящимся к его службе. Да и что было взять с солдата-срочника, который и по-русски то еле говорил?

Также был снят со своей должности с дальнейшим понижением начальник колонии, начальник ПТУ, поскольку не был аттестованным сотрудником, отделался строгим выговором с занесением в личное дело.

С этого дня у Гурова появились личные враги, которые ответственность за своё раздолбайство, как всегда, переложили на другого – на Гурова. Ведь это он сломал им карьеры, как считали они.

Да и система получила обидную оплеуху, когда вскрылись серьёзные просчёты в осуществлении исполнения наказания и контроля за осуждёнными, причём, как выяснила проверка, не только в третьей колонии, выговоры с занесением получили многие должностные лица, в том числе и начальник управления.

На поиски беглецов были брошены лучшие опера службы исполнения наказания.

Зоновские опера в одной упряжке вместе с ментами, за сутки перелопатили все притоны Новосибирска и области, задержав, при этом немалое количество находящихся в розыске.

Парней, зависших у лярвы и по синьке решивших оказать сопротивление, перестреляли.

Горного мастера нашли повесившимся у себя дома, рядом с трупом жены и её очередного хахаля, которых он забил до смерти обрезком водопроводной трубы.

У всех фигурантов этого дела были изъяты крупные суммы денег, о которых в рапортах естественно не было упомянуто ни одним сотрудником, принимавшем непосредственное участие в обезвреживании беглецов.

Таким образом, по истечении суток, были предъявлены для опознания тела всех, кто осмелился покуситься на систему и совершил побег. Всех, кроме Гурова.

Глава 3

Весна 1979 год. В бегах.

Томская область, посёлок недалеко от Колпашева

«Волга» остановилась в посёлке Красный Яр, на северной окраине Новосибирска, у неприметного домика на краю обрыва, круто спускавшегося к реке.

К утру заметно похолодало, погода испортилась, началась метель, начало марта в Новосибирске это ещё зима и мороз за тридцать нормальное явление. Окна в машине затянуло льдом.

– Ну что Андрей, будем прощаться до весны, – Солома достал из кармана незапечатанный конверт. – Держи, – сунул он конверт Андрею, – это отдашь человеку, к которому поедешь, я ему написал, чтоб встретил тебя, как брата, всё остальное в санях. Человека зовут Геннадий Палыч Плотников, но все называют его Цыган, он и похож на цыгана, видимо были у него ромэлы в роду, – усмехнулся Солома. – Но человек он проверенный, надёжный, можешь на него положиться. Всего, конечно, не рассказывай, но кое-что можешь, например, как из зоны свалил.

– Тебе придётся на снегоходе добраться до Васюгана, это речка такая в Томской области, и подняться по ней вот до этой точки, – Солома ткнул пальцем в лежащую на его коленях карту. – Как видишь, это остров, вокруг тайга, но на острове постоянно живут люди Цыгана, они и зимой, и летом ловят рыбу. Менты на остров не суются, прикормлены, Цыган им постоянно стерлядь и икру подгоняет. Люди на острове тоже сплошь непростые, в основном с криминальным прошлым, есть и такие кто годами в розыске числится. Порядки там жёсткие, но справедливые, «закон тайга, медведь хозяин», если что не так, камень на шею и концы в воду. Поэтому, лишний раз лучше промолчи – потом разберёмся, если что. Передашь Цыгану деньги от меня, на своё содержание и за хлопоты, отсидишься там до конца мая, а мы с Гуней за это время что-нибудь придумаем, может на юг тебя с новой ксивой отправим, куда-нибудь в Самарканд, там тоже наши люди имеются.

– Ну что, пошли что ли, – Солома открыл дверь машины и вышел на мороз.

В дом заходить не стали, сразу спустились к реке. На берегу, у снегохода «Буран» приплясывал одетый в огромный тулуп мужик.

– Ну, заводи, Михалыч свой аппарат, – Солома махнул Андрею. – А ты братишка заваливайся в сани.– Ну, заводи Михалыч свой аппарат, – Солома махнул Андрею. – А ты братишка заваливайся в сани.

Андрей улегся в застеленные шкурами сани, Солома с Гуней накрыли его сверху оленьим одеялом.

– Потом друг с другом познакомитесь, дорога длинная. Трогай Михалыч! – крикнул Солома.

Снегоход зарычал и потянул за собой сани.

Вася Бриллиант пригласил к себе Солому сразу, как только узнал о побеге. Бриллианту Граф нужен был на свободе. Такими кадрами не разбрасываются.

Сидя на зоне, Граф может только на авторитет свой работать, а находясь на воле, глядишь, снова принесёт в обшак солидную прибыль. Он не стал задавать прибывшему Соломе лишние вопросы о местонахождении Графа, за такой интерес могут и язык подрезать. Вася только хотел убедиться всё ли нормально, и пообещал со своей стороны уведомить братву о том, что Графу необходимо оказывать посильную помощь при встрече, а если, не дай Бог, его кто-нибудь из братвы сдаст, то будет объявлен личным врагом его, Васи Бриллианта.

Солома выразил благодарность и отбыл.

Они ехали по Оби, вниз по течению, на север. Перед рассветом потеплело, но метель разыгралась ещё сильнее. Андрей завернулся в одеяло и уснул, нервное напряжение последних месяцев стало отпускать его.

Андрей проснулся от вкусного запаха костра, и выглянул из-под шкуры, под которой, несмотря на ударивший к вечеру мороз, он нисколько не замёрз.

Под огромной сосной с низкой густой кроной, горел прикрытый от ветра брезентовым пологом костёр, возле которого, что-то помешивая в котелке, сидел Михалыч.

– Проснулся? Вылезай, давай, ужин проспшишь, – проворчал он Андрею. – Жалко тебя будить было, целый день проспал.

Андрей выбрался из саней, потянулся, прислушался к себе, ощущения покоя и безопасности не покинули его.

Метель прекратилась, но ветерок был свежий, и Андрей, сбегав по своим надобностям за дерево, прискакал к костру, и сунул сразу озябшие на морозе руки к огню.

– Ночевать там будем, – сказал Михалыч и кивнул в сторону леса. – Там метрах в пятидесяти зимовье старое стоит, на снегоходе не подняться. Ну, кажись готово, – попробовал похлёбку Михалыч. – Держи ложку, налегай пока не остыло. Мы ведь с тобой так и не познакомились, – пробурчал Михалыч подбирая кусочком хлеба остатки еды со дна котелка, порывлся в мешке, достал солдатскую фляжку. – Думаю, сейчас будет в самый раз, – и потряс ей возле своего волосатого уха.

Андрей, вообще-то, никогда ещё не пил ничего крепче газировки и попробовал отказаться.

– Ты чего? – обиделся Михалыч. – Настоящий спирт, питьевой, я в магазине покупал, во фляжку перелил для удобства транспортировки.

– Да я просто не пил никогда, вообще ничего не пил, – стал отъезжать Андрей, ему стало неловко от того, что он таким образом обидел человека.

– Ну, ты даёшь, парень! – удивился Михалыч. – Как же мы с тобой тогда знакомиться будем? Это ж не по-русски получится. Я в твои годы, на северах уже ведрами спирт хлебал. Если бы не он, родимый, – потряс фляжку Михалыч, – может, и не было бы меня уже на свете. Ладно, так и быть, научу тебя уму-разуму. Значит так. Перед тем как выпить спирт, обязательно проглоти небольшой кусочек сала – он смажет твоё нутро, тогда и не спалишь себе ничего, и не опьянеешь сразу, но учти, главное не переборщить. Когда спирт попадёт в кровь, резко по мозгам вдарит. Никогда, слышишь, никогда, не разбавляй, и не запивай спирт, и закусывай сразу опять же салом, усёк? Ну, а если заранее знаешь, что пить с кем-то придётся, а ты хочешь контроль над собой не потерять, тогда часа за полтора до пьянки выпей чуть больше

половины стакана водки и тогда всех сможешь перепить и сознание ясное сохранить при этом. Мотай на ус, парень, иногда в жизни это может тебе здорово пригодиться, а теперь давай, сейчас выпей, я тебе не пьянку предлагаю, мне тебя здорового довести нужно.

Михалыч налил немного спирта в железную солдатскую кружку и сунул Андрею.

Андрей взял кусочек сала, проглотил, и выпил залпом содержимое кружки, и чуть не задохнулся, замахал рукой перед ртом.

– Выдохни! – рявкнул Михалыч, и захохотал.

Андрей выдохнул и ему стало легче.

Михалыч похлопал Андрея по спине.

– За знакомство, паря.

Потом они перенесли часть вещей в зимовье, растопили печь и улеглись спать. Торопиться им было некуда, и утром они тронулись в путь лишь когда распогодилось и засветило солнышко.

Андрей снова валялся в санях, но на этот раз уже не спал.

Михалыч оказался человеком весёлым, в позапрошлом году ушёл на пенсию и теперь браконьерничал вместе с Цыганом. Правда, только летом. Они – Солома, Цыган и Михалыч вместе мотали срок на лесоповале. Однажды Михалыч, обрубая сучки, саданул себе по ноге топором, и, если бы не Солома, который пёр его на себе до барака, он бы там и прибрался. Солома его тогда спиртом опоил, чтобы от болевого шока не умер.

В общем обязан он был жизнью Соломе. К тому же, Солома неплохо ему заплатил за доставку Андрея на остров к Цыгану.

Андрей смотрел на проплывшие мимо него заиндевевшие от мороза деревья, и думал. Солома – человек неординарный. Повезло Андрею с Соломой. Ведь именно он натаскал Андрея, подготовил его к возможной отсидке.

– Ты, – говорил Солома, – в случае чего, как человек, не имеющий судимостей, попадёшь на тройку, на усиленный режим. Там сидят одни первоходки, хоть и с серьёзными статьями, но всё равно пионеры, и блатные там тряпочные, ненастоящие, в общем. Тройка, красная зона, и все серьёзные люди, которые там сидят, в блатную жизнь не играют, у некоторых из них слишком много бабла на воле осталось, чтобы из-за блатной идеи срок от звонка до звонка тянуть. Они либо в шнырях сидят, либо завхозами. Вот на них больше и полагайся если что. Если такое с тобой случится, я тебе подскажу, к кому именно можно будет обратиться.

И именно эти люди помогли Андрею так быстро найти нужных ему людей, и они же помогли их правильно обработать. Иначе Андрею до ишачьей пасхи пришлось бы их искать самому. У Соломы везде были свои люди, куда ни ткнишь, везде знали Солому, не только знали, но и уважали.

Следующие две ночи спали на берегу в палатке, в меховых спальных мешках. Снегоход еле тянул тяжело нагруженные сани, поэтому тащились с черепашьей скоростью.

Михалыч посвящал Андрея в секреты браконьерской жизни.

– Изготовление самолова требует умения и терпения. Каждый поводок нужно тщательно вымерять, каждый крючок правильно изогнуть и наточить, привязать поплавки не абы как. Но самое главное, это правильно его поставить, в нужном месте, на стремнине. У каждой рыбы свой ход, своя дорога на реке, своё время. Поэтому, места, где ходит рыба, строго поделены между собой, кто-то ставит речнее кто-то бережнее, поближе к берегу значит, и нарушение границы жестоко наказывается. Поставить концы, так мы называем самоловы, не так-то просто. Работа эта очень тяжёлая и опасная, чуть зазевался, зацепился за крючок и мяукнуть не успеешь, как тебя течением с лодки выдернет, прямо на твой же конец, а там, паря, больше сотни острых как шило крючков. По этой причине, нужно всегда держать острый как бритва нож «стропорез» под рукой, или в зубах. Зимой, ежели руки озябнут, снимай рукавицы и суй руки в воду, вода по любому теплее воздуха, отогреет. И перед тем, как в воду на морозе сигать,

если придётся, разденься, постой немного раздетый, пока не озябнешь, а уж потом смело прыгай, вода тебе парным молоком покажется, и сердце не зайдётся.

Андрей слушал наставления Михалыча очень внимательно и запоминал, он всегда знал, что любая информация лишней не бывает.

Поворот в Васюган Андрей проспал, проснулся лишь когда сани остановились и перестал рычать мотор снегохода.

– Прибыли, – сказал Михалыч. – Дальше пешком пойдём, тут недалеко, за пригорочком. Мой драндулет туда не заедет.

Они ещё не разгрузили сани, как из-за пригорка показалась группа людей, человек пять, с автоматами Калашникова в руках.

– Михалыч, ты что ли пожаловал? А мы слышим мотор шумит, какого лешего думаем, к нам принесло? – мужики по очереди поздоровались с Михалычем за руку. – А это кто с тобой, внук твой что ли?

– Это к Цыгану, по делу, от Соломы.

– А-а-а-а, – протянул старший. – Ну так Цыгана нет, он только вчера на материк уехал, рыбу сдавать повёз, раньше, чем через неделю не появится. Вы, если срочное что, сами можете до него доехать.

– Мы не торопимся, иль не рады? – спросил Михалыч.

– Обижаешь бродяга, – улыбнулся старший. – Мы уже озверели здесь совсем, нам свежая человечина в кайф, – и захохотал. – Водяра есть? Пока Цыгана нет, может расслабимся чуток, а то он нас в чёрном теле держит боится, что перегрызёмся, обещал даже шлюх привезти лишь бы не бухали.

– А как же? Когда это я с пустыми руками на остров приезжал? – кивнул на вещмешок Михалыч.

Старший мотнул головой в сторону саней, и мужики, разобрав груз, потащили его наверх, к жилухе.

За пригорком стояло два приличного вида дома, один большой в два этажа, а другой поменьше. Толпа двинулась к большому дому.

– Там Цыган живёт, – пояснил Михалыч поймав взгляд Андрея. – А братва тут, – кивнул он на большой дом. – Всё как у людей.

На первом этаже, как понял Андрей, находилась мастерская по ремонту и изготовлению рыболовных снастей, висели на стенах сети и самолёты, стояли сверлильный станок, наждак и огромный верстак.

– Шас дырчик заведём, – пообещал старший и захватив с собой заросшего густой бородой мужика вышел на улицу, откуда вскоре донёсся мерный стук дизеля и в доме зажегся свет.

Андрей от пьянки уклонился, сославшись на усталость с дороги, и, забрав свои вещи, ушёл наверх в отведённую ему комнату. Да его никто и не уговаривал, похоже, мужики только рады были что им больше достанется.

Голоса внизу становились всё громче и громче, и наконец словесная перепалка переросла в побоище. Андрей даже и не думал выходить из своей комнаты для того, чтобы посмотреть, что там происходит, ему совсем не улыбалось нарваться на автоматную очередь или просто получить в глаз, но до стрельбы дело не дошло, драка внезапно стихла и наступила мертвая тишина.

Андрей посидел полчаса в полной тишине и, не выдержав, вышел из комнаты и осторожно спустился вниз. Все шесть человек, включая Михалыча, лежали в немыслимых позах там, где их настигло коварное действие спирта, выпитого на сало в невероятных даже для закалённого алкоголем человека количествах.

Но больше всего Андрея поразило то, что у каждого из них, в руках был крепко-накрепко зажат стакан с недопитым спиртом.

«Так вот что означает «выпил больше чем, мог, но меньше чем хотел», – подумал Андрей, и на всякий случай собрал оружие и отнёс его к себе в комнату.

Пьянка продолжалась почти до конца недели, на Андрея не обращали никакого внимания вроде его здесь и не было, но перед приездом Цыгана все вдруг резко прекратили бухать и друженько навели порядок в доме. Как будто и не пили совсем, видимо побаивались Цыгана не по-детски.

Цыган, и впрямь был, как настоящий цыган: смуглый, жилистый и кудрявый, взял письмо, внимательно прочитал и сунул его в карман, но передумал, достал его и сжёг, бросив письмо в печь, не проронив при этом ни слова, так же молча отказался взять деньги на содержание Андрея.

– Жить ты здесь не будешь, в посёлок тебя отвезу, не нашего ты полёта птица, парень, – произнёс наконец Цыган.

Андрей ничего не понимал.

– В какой ещё посёлок? – спросил он растерянно.

– В хороший посёлок, тихий, – ответил Цыган. – Там одни лесовики живут, зимой на лесоповале, а летом кто чем занимается. Участковый прикормлен, лезть к тебе не будет с вопросами, если конечно не забурогозишь. У нас тебе трудно будет, здесь умники не нужны, здесь работают здоровые и глупые парни способные по двенадцать часов долбить пешнёй на тридцатиградусном морозе полутораметровый лёд. А без работы сидеть будешь, коситься начнут, а там и до беды рукой подать. Короче, нечего тебе тут отираться, только под ногами путаться будешь. Участковому забашляешь и всё, он про тебя забудет и даже цинканёт если что. Только сразу много ему не давай, пропьёт и ещё припрётся, будешь ему каждый месяц рублей по сто выдавать. Ну, в общем я сам с ним поговорю на эту тему.

Цыган не стал тянуть кота за хвост, и на следующий же день с утра повёз на снегоходе Андрея в посёлок. Ехали долго, почти целые сутки, пока в темноте не показались огни стоявшего на берегу небольшой протоки маленького деревянной постройки посёлка.

Глава 4

Рабочий посёлок в районе Колпашева, весна 1979 год

Посёлок был небольшой – десяток двухэтажных, двухподъездных домов послевоенной постройки, с печным отоплением, и удобствами на улице.

Цыган постучал в окно квартиры на первом этаже и сразу же вошёл в подъезд. Дверь открыла молоденькая, лет шестнадцати девчушка.

— Здравствуйте дядя Гена, – обрадовалась она. – Ой, а это кто с вами? – увидела она Андрея, и кокетливо поправила халатик.

– Постояльца тебе привёл, – улыбнулся Цыган. – Сын друга моего, решил от городской суеты отдохнуть. Да ты не беспокойся, он не задаром у тебя жить будет, заплатит хорошо.

Девушка оценивающе посмотрела на Андрея.

– Ну пусть живёт, у меня места много, – согласилась она.

– Ну, вот и хорошо, и тебе полегче будет, – снова улыбнулся Цыган. – Я, пожалуй, сразу и поеду обратно, дел много, – сказал он уже Андрею. – Дальше без меня разберётесь, не маленькие.

Подмигнул ободряюще девушке, и вышел.

– Меня Лена зовут, а тебя? – спросила девушка.

– Андрей, – ответил Гуров, не очень-то обрадовавшись такой хозяйке.

Ему бы с какой-нибудь старухой спокойней было. А сюда начнут женихи ходить, пьянки гулянки и всё такое...

– Ну, проходи Андрей, буду тебе твою комнату показывать, – пригласила Лена.

Квартира была из трёх отдельных комнат, с огромных размеров кухней, рассчитанной сразу на несколько семей. Как позже пояснила Лена, в этой квартире когда-то жили три семьи, а потом они постепенно разъехались и квартиру полностью заняла семья Наймиллер, её значит.

– А магазин у вас далеко? – спросил Андрей. – А то у меня никакой еды с собой нет.

– Здесь всё рядом, – ответила Лена. – Только, в нём нет ничего путного, да и закрыт он ещё, баба Шура раньше десяти не откроет.

Лена жила бедненько, и кроме чая и половины булки белого хлеба с лапшой, в доме ничего не было. Андрей не стал привередничать и спорол всё, что было, запив еду крепким чаем. Проболтал с Леной, сидя на кухне до десяти часов утра, и поплёлся в местное сельпо.

В магазине действительно не было ничего хорошего. Баба Шура совсем ещё не старая здоровенная бабища с любопытством оглядела незнакомого ей посетителя, но вопросов задавать не стала, молча подала Андрею продукты, так же молча взяла деньги и отсчитала сдачу. Андрей взял только самое необходимое, в основном консервы, и вернулся в квартиру.

Лена жила небогато даже по местным меркам: ни телевизора, ни мебели нормальной в квартире не было. И жила одна. Спрашивать, где её родители Андрею было неудобно. «Сама расскажет», – подумал он, и не ошибся.

Вечером, за ужином, Лена рассказала Андрею о том, что её родители, мать с отцом, и старший брат утонули на рыбалке шесть лет назад. С тех пор она и живёт одна.

– Люди помогают конечно, и пенсию за родителей получаю. Жители посёлка работают в леспромхозе, другой работы по близости нет. Сейчас почти все в тайге, на лесозаготовке, посёлок пустой, но через пару недель дороги в тайге развезёт и все вернуться, весело будет, – мечтательно завела глаза Лена.

«Кисляк, – подумал Андрей, привыкший к городской суете. – Как здесь вообще жить можно? На зоне и то веселей».

За неделю снег уже основательно подтаял, кругом, куда ни глянь, грязь и лужи.

В посёлке вдруг стало тесно, забурлила жизнь, вернулись из тайги лесозаготовщики. Во всех домах день и ночь орала музыка.

К Лене тоже пожаловали гости.

Север томской области. Зимовье Хорвата, весна 1979 год

– Гуров пропал.

– То есть как это пропал? – высокий старик в меховой жилетке, надетой на толстый свитер, армейском галифе с широкими красными лампасами, и в унтах, перестал ковырять палочкой запекавшуюся в костре картошку.

– Сбежал, товарищ генерал, вырыл подкоп и сбежал. С ним ещё семеро осуждённых, но их уже ликвидировали сотрудники ИТК.

– Вот же я дурак старый, – огорчился генерал. – Наверняка ведь кореша его ему помогали, а я приказал наблюдение с них снять, когда Гуров в кутузку загремел. Но с другой стороны, порадовал ты меня сегодня Кожин, искренне порадовал. За четыре месяца, проведённых в колонии, Гуров нашёл сообщников и уговорил их уйти в побег. Не говоря уже о том, что ему удалось ещё и грамотно его спланировать. И ты что ж, ничего не знал?

– Ничего, товарищ генерал.

– Ай да Гуров, красавчик, – восхищался генерал побегушником. – Ну так ищи его, майор. Намётки какие-нибудь имеются? Напомни мне данные его поделщиков.

Кожин открыл папку.

– Соломин Алексей Николаевич, – стал читать Кожин. – Тысяча девятьсот пятидесятого года рождения, неженат, до знакомства с Гуровым имел четыре судимости за кражи личного имущества, правая рука Гурова предан ему до фанатизма. Вместе с Соломиным, мог быть ещё и Гуненко, второй поделщик Гурова. Гуненко Александр Михайлович тысяча девятьсот пятидесятого года рождения, неженат, до знакомства с Гуровым имел две судимости за кражу личного имущества, так же, как и Соломин предан Гурову.

– Да уж, у Гурова дар подбирать людей, это одна из его способностей, – сказал генерал. – Не ошибся я в парне-то, а, майор, – подмигнул Кожину генерал.

– Так кто ж сомневался то? – ответил Кожин.

– Убийцу нашёл, за кого Гуров в колонию попал?

– Ищем, Товарищ генерал.

– Ищи, майор, Гуров нужен мне целый и невредимый, и самое главное, пока глупостей не натворил серьёзных, он без дела сидеть не будет, не та натура, и способности, скрытые наружу прорываются, не было б беды, майор.

Рабочий посёлок в районе Колпашево, весна 1979 год

Сначала постучали в окно, а потом в дверь, которую Лена не запирала даже на ночь – бесцеремонно ввалились трое парней.

– П-Привет, хозяйка, – раздалось в коридоре. – Принимай гостей Андрей с Леной сидели на кухне, откуда вошедших не было видно.

– Я тут, – отозвалась Лена. – Проходите на кухню.

Парни прошли на кухню, и остолбенели, увидев Андрея.

– Оба на, кажется мы не туда зашли, – парни явно приняли Андрея за Лениного жениха, мало ли что тут произошло пока они в тайге лес валили.

– Чё это не туда? – возмутилась Лена. – Заходите, давайте, не выдрёпывайтесь.

Парни разулись в коридоре, и прошли на кухню, в руках у них были огромные авоськи, набитые выпивкой и закуской, явно не из местного магазина.

– Познакомьтесь, квартирант мой, дядя Гена привёз, зовут Андрей, – представила Лена Гурова гостям.

– Саня Барон, – протянул руку чернявый с золотой фиксой парень. – А это мои кореша, Никита Колесо и Серёга Кеша.

Все трое пожали Андрею руку. Лена уже ставила на стол граненые стаканы.

– Ну, давай, Андрюха, по чуть-чуть за знакомство, – протянул Барон Андрею наполовину наполненный стакан с водкой.

Отказаться в такой ситуации было сложно, и Андрей выпил, как и все, полстакана.

– Между первой и второй промежутки небольшой, – сказал Барон. – Не закусывая.

Но на этот раз Андрей, помня наставления Михалыча, вежливо отказался.

– Чуть позже, – сказал он, и перевернул свой стакан вверх дном.

– Ну, как знаешь, – Барон и парни выпили ещё по полстакана, на этот раз уже закусывая сразу за первый и второй раз.

Вскоре напряжение в отношениях парней с Андреем заметно снизилось.

Через час он уже пил наравне со всеми, но, как и обещал Михалыч, не пьянел.

Разошлись только под утро, пьяная Лена пыталась склеить Андрея, но он прикинулся что ему стало плохо, и она отстала. Кстати лет ей уже, как выяснилось, было почти восемнадцать, днюха будет в конце мая, совсем немного осталось.

Барон, Воропаев Александр Александрович 1953 года рождения, имел на своем счету шесть судимостей и огромный авторитет в преступном мире, сыном которого и являлся, как гласила одна из его многочисленных татуировок.

Барон отличался безукоризненной порядочностью и честностью по отношению к своим близким, обладал невероятной харизмой, и, кроме того, в пакет его достоинств входили отличная память и острый ум.

Портрет Гурова Барон увидел, проходя мимо стенда с оригинальным названием: «Их разыскивает милиция», когда они накануне, мотались с Колесом и Кешей за продуктами в Колпашево, и сразу же, как только увидел Гурова у Лены, понял, что за человека поселил у неё Цыган. Понял, но виду не подал, и очень удивился, когда понял, что Гуров тоже понял, что Барон его раскусил, и тоже не подал виду.

Перед тем как завести с Гуровым разговор по душам, Барон решил навести кое-какие справки, и был удивлён ещё больше, когда узнал о предоставлении Графу без лимитного доступа к воровскому общаку, и о ходатайстве за него сразу троих воров в законе. Слишком молод был Гуров для такого авторитета. Это говорило только об одном: что за Гуровым водятся дела, о которых, знает очень ограниченный круг людей, и что совать нос в эти дела не стоит.

Барон размышлял, надо ли ему навязываться в друзья к Гурову или нет, что ему принесёт эта дружба? Но Барона уже словно магнитом тянуло к Гурову. У Барона была тема, тема которую он вынашивал уже несколько лет, но людей способных поднять эту тему у него не было, и он решился на откровенный разговор.

Утром, едва рассвело, пока ещё не начало таять приехал Цыган. Привёз рыбу, и килограммов сто пятьдесят лосятины. Он, хоть и не взял у Графа деньги на его содержание, всё равно чувствовал себя обязанным, не Графу, а Соломе.

Увидев помятую после застолья физиономию Андрея, усмехнулся.

– Чё, паря, перебрал? А я думал, ты совсем не пьёшь.

– Пришлось, – ответил Андрей охрипшим голосом.

– Барон приходил, – заступилась за Андрея появившаяся из своей комнаты, заспанная, с опухшими глазами Лена.

– Барон – правильный человек, ты его не опасайся, он в посёлке, типа, смотрящего у нас. Предложит дружбу не отказывайся, не пожалеешь, – порекомендовал Цыган.

– Спасибо, учту, – прохрипел Андрей, осипшим с похмелья голосом.

– Ну, я погнал, пока не развезло, – попрощался Цыган и вышел.

Андрей снова рухнул на кровать и проспал до вечера.

Была у Барона одна задумка, осуществить которую он бы смог, люди надёжные имелись, а вот разгрести последствия если что, вряд ли, авторитета маловато. Такой авторитет по всей видимости был у Графа.

– В Томске, работает завод по производству радиодеталей, часть которых заводское ОТК отбраковывает, но, большая часть этого брака липовая. А в районе Колпашево, на старой швейной фабрике, работает цех, вход в который осуществляется по спецпропускам, в этом цеху ремонтируют импортные швейные машинки, и там же имеется отдельный участок, в котором из якобы бракованных радиодеталей, вывезенных с Томского завода, собирают отличную радиотехнику. Её везут дальше, в соседний с нашим, посёлок, где нелегально изготавливают корпуса к этой технике, – рассказывал Барон Андрею, когда вечером пригласил его прогуляться по берегу.

Андрей слушал Барона внимательно, ничего не упуская, и лишь иногда кивал головой, показывая, что понял, о чем идёт речь.

– Организатор этого предприятия некий Гончаров Михаил Степанович, живёт на даче под Томском в элитном дачном обществе, среди писателей и заслуженных работников всех отраслей. Дачное общество находится под круглосуточной охраной милиции, въезд строго по пропускам. Но дыр, конечно, хватает, проникнуть туда можно без проблем, если не на машине, – говорил Барон. – И мне кажется, что именно там хранятся деньги от реализации радиотехники, хотя точной уверенности нет, – подвёл итог Барон.

– Откуда информация? – поинтересовался Андрей.

– Ну, это несложно, – улыбнулся, сверкнув фиксой Барон.

– Ни на завод, ни в цех я попасть конечно же не могу, людей в сборочный цех на машине из Томска привозят и также увозят, но живут-то они не под охраной, обычные работяги. Шоферы, токари и прочие, с одним выпил, с другим поговорил, постепенно картинка сложилась. Они свою левую продукцию по всему Союзу продают под видом известных импортных фирм. Деньги там крутятся, сам понимаешь, немаленькие, и люди вокруг них тоже – сплошные тяжеловесы. На местном уровне это начальник районной милиции и глава администрации, но я думаю, что и в областной кто-нибудь имеется.

– Угу, понятно, а почему ко мне обратился? – спросил Андрей.

На улице снова подморозило, с реки потянуло холодом, и Андрей поднял воротник меховой куртки.

– Украсть несложно, – ответил Барон. – Сложно удержать добытое, и голову не потерять. А про тебя я по своим каналам справки навёл, знаю, что в бегах и, что за тебя сразу три вора в законе мазу держали, а теперь, Бриллиант и вовсе объявил, что если тебя сдаст кто, то станет его личным врагом.

На этот раз Андрей удивился, но виду не подал.

– Значит, цеховиков решил обнести? Цеховики народ ушлый, годами двойной жизнью живут и нажитое беречь умеют, – Андрей поёжился, ветерок становился всё свежей. – Знаешь, что? Барон, пошли в дом, разговор это не простой, и долгий, а то у меня скоро мозги замёрзнут.

– Так я захватил, – Барон показал из-за пазухи горлышко бутылки.

– Вот дома в тепле и выпьем, как люди, – сказал Андрей, и первым пошёл в сторону барачков.

– Слышь, Граф, а кто такие цеховики? Что-то я раньше про такую масть не слышал, – спросил Барон, когда они шли по дороге к дому.

– Дома расскажу, – отмахнулся от заданного вопроса ежившийся от холода Андрей.

Цеховики, это обособленная ветвь криминального дерева. Большинство из них никогда не сталкивалось напрямую с преступным миром, не имели судимостей и не подозревали о существовании каких-то там воровских понятий, и кроме того сидеть в тюрьме не собирались. Почти все они были директорами или начальниками каких-нибудь больших или маленьких предприятий, где, используя всеобщий бардак и эффективно расходуя предоставленное в их распоряжение сырьё, обращали образовавшиеся излишки отходов в какой-нибудь ходовой продукт, который сбывали налево в нелегально организованные подпольные цеха, часто ими же и созданные.

Люди эти были умными и предприимчивыми, и в отличие от капиталистов, которым, для того чтобы начать своё дело, необходимо заработать первоначальный капитал, у них все было в руках с самого начала, и завод в управлении, и сырьё, всё им предоставило государство, воруя не ленись. Причём, все деньги они оставляли себе любимым, ни в какой воровской общак ничего не платили, и вору считали, что это справедливо!

А справедливо это было потому, что в случае прокола, им не придётся пользоваться общаком, сидеть тоже не придётся, так как за хищение государственного имущества в крупных размерах, да ещё с использованием служебного положения, им грозило только одно наказание – расстрел.

Исходя из этого, красть у цеховиков можно было, а вот данью облагать – нет.

В отличие от воров в законе, цеховики были более гибкими и охотно брали в подельники и ментов и чиновников. Благодаря этому им удалось в совокупности накопить такой капитал, какой вору даже и не снился. Правда капитал этот был чаще всего разобщённым.

Вору в законе закрывали глаза если кому-то удавалось пощипать зазевавшегося цеховика и с удовольствием получали долю в общак с этого мероприятия.

А прозевавшему своё добро бедолаге если тот прибежал жаловаться, попросту объясняли, что тому нужно было лучше беречь ворованное добро, и разводили руками, мол на то и вору, чтобы воровать, какой с них спрос?

– Но так было раньше, – сказал Андрей. – Теперь, пришло время, когда цеховиков стали потихоньку загонять под крышу всякого рода предприимчивые бродяги. Вору были против такого беспредела, потому что даже они не покушались на добро цеховиков. Но времена меняются Барон, и кое-кто из воров решил и сам приложить руку к этому жирному куску. И слава

Богу, что у тебя хватило ума самому не соваться в это дело – точно не вывез бы ты эту тему Барон.

– Надо же, сколько вокруг меня интересных вещей происходит, а я ничего об этом не знаю, – покачал головой Барон. – Ну, так, что сам то скажешь, Граф? Стоит нам эту байду затевать, или как?

– Конечно стоит, – ответил Андрей. – Только подумать нужно как следует.

Глава 5

Пригород Томска. Дача Гончарова, март 1979 год

Михаил Степанович, сидя в плетёном из лозы кресле на отапливаемой веранде собственной двухэтажной дачи, пил армянский коньяк и радовался весеннему солнышку. Жизнь его удалась. У него было много денег, его уважали и искали с ним дружбы многие влиятельные люди области, и не только.

А ведь ещё совсем недавно всё было по-другому.

Степаныч, как называли его близкие, всю свою жизнь вкалывал, и даже семью завести было некогда. Смолоду, закончив речное училище, работал в Новосибирском пароходстве, сначала рулевым мотористом, а потом капитаном небольшого прогулочного судна.

Летом работал в порту, а зимой после закрытия навигации калымил – строил коровники в колхозах, или занимался отделочными работами в городе, благо имел неплохие художественные наклонности.

И жалел, что не пошёл учиться на производственника или не стал председателем какого-нибудь колхоза.

– Вот где настоящие деньги буквально под ногами валяются, – сокрушался Степаныч, глядя на ржавеющую под снегом сельхозтехнику.

Так и работал, пока не вышел на пенсию пять лет назад по горячей сетке, в пятьдесят пять лет и не поехал на отдых в Сочи, где и познакомился с директором Томского радиозавода, любителем поиграть в картишки и продувшимся в пух и прах.

Степаныч занял ему немного денег, которые тот тут же и проиграл, и ещё занял, и он их ещё раз проиграл.

В итоге сумма получилась довольно-таки приличная, десять тысяч рублей и директор полез в петлю, откуда его Степаныч вытащил, и объявил, что тот, может конечно повеситься, или утопиться, как сам пожелает, но только после того, как рассчитается.

А чтобы директор не грустил по поводу глобального отсутствия денег, предложил ему вариант подъёма наличности используя неучтённые ресурсы его предприятия.

– Бояться тебе нечего, всё равно ведь вешаться собрался, – подвёл итог разговора Степаныч.

За пять лет, используя солидные связи директора радиозавода, Степаныч привлёк к этому делу нужных людей, добыл списанное оборудование, и организовал производство и сбыт изготовленной в подпольных цехах продукции, не уступающей качеством зарубежным аналогам. Он чувствовал себя помолодевшим на двадцать лет, да и директор вешаться давно уже передумал.

Деньги плыли рекой, в подвале его особняка, который он приобрёл у уезжавшего в Израиль знакомого еврея, бывшего художественного руководителя чего-то там, хранились не только его личные сбережения, но и выручка основных участников этой аферы.

Сегодня после обеда как раз должен появиться сбытчик из Прибалтики, с вырученной наличкой.

От приятного предчувствия на губах у Степаныча появилась довольная улыбка. Так, маленькие денежки ручейки стекались в огромный бурный поток, заканчивающий своё течение в закромах огромного импортного сейфа, стоявшего у Степаныча в подвале его загородной дачи. Самое интересное, на чем поймал себя Степаныч однажды, это то, что собственно

деньги, перестали его интересовать, теперь он и бесплатно бы мог работать, это приносило ему удовольствие, это было сродни творчеству: делать деньги практически из ничего.

Теперь Степаныч уже задумывался о расширении предприятия за счёт внедрения новых технологий, которые ещё нигде в мире не используются. Ради этого он несколько раз встречался с учёными из Новосибирского Академгородка, работающими в области радиоэлектроники, и советовался с ними по поводу улучшения технических параметров бытовой радиоэлектроники. Он даже за свой счёт готов был модернизировать подпольное предприятие.

Препятствий для осуществления задуманного им плана пока не предвиделось.

Михаил Степанович пил коньяк и мечтал, а над его головой уже начали собираться тучи.

Рабочий посёлок в районе Колпашево, весна 1979 год

– Расскажи мне сначала что за люди живут в посёлке? – попросил Андрей.

И его интерес был понятен, ему тут жить, и он должен знать, насколько это место для него безопасно.

– Посёлок наш, как ты уже видел, небольшой, люди живут давно и приезжих тут нет, кроме тебя, – усмехнулся Барон, – все друг другу в той или иной степени родня, и стукачей не водится, даже участковый наш и тот местный. У нас в посёлке даже поп свой имеется, правда без прихода, его лет двадцать назад расстригли за воровство, но не посадили, с тех пор и живёт. Мужики здесь серьёзные, – продолжал Барон. – Пьют конечно, но только когда не работают, много сидевших, но в основном за хулиганку, как в город выберутся, так и попадают, городские ведь не понимают наших понятий, вот и получают по соплям, и сразу в ментовку бегут. Сначала на рожон лезут, а потом бегут. Самородков в посёлке много, Граф, и в технике, и в электронике разбираются лучше всякого инженера с образованием, у нас ведь мастерских нет, вот и приходится всё самим чинить, до всего своим умом доходить. В общем есть люди, с которыми можно это дело проверить, – закончил Барон.

Андрей слушал, и думал о том, что он и сам обворовывал не простых работяг, с которых взять нечего и у которых ключи от квартир под ковриками лежат. Андрей и его подельники, никогда не забирали у людей всё, лишь то что было на тот момент в хате, но и того что там было, хватало с лихвой. Они бы и всё конечно забрали, но только такой крупный куш в одном месте сразу, им никогда не попадался. Вот и здесь, скорее всего, они смогут обнести кого-нибудь одного из основных, но только одного, второго шанса им не дадут. Хотелось бы всё и сразу, но для этого необходимо сделать так, чтобы будущие терпилы собрали весь навар в одно место. «Нужно привлекать своих к этому делу», – решил Андрей.

– Ну, что, нормально, – Андрей потёр виски. – Только, тебе придётся прокатиться в Новосибирск и встретиться там кое с кем из моих людей, их двое, и они будут работать с нами, не возражаешь? – спросил Андрей и потянулся.

– А чё возражать то, денег на всех хватит, а специалисты никогда не помешают, – ответил Барон.

– Вот теперь можно и выпить, а о поездке завтра поговорим, на трезвую голову, – завершил Андрей деловую часть встречи.

Андрей ещё два года назад настоял на необходимости принятия плана на случай неожиданного отхода из города. Для этого ими были разработаны маршруты отхода из разных точек, где были куплены или арендованы металлические гаражи и погреба, в которых хранились необходимые для каждого сезона вещи, велосипеды, лыжи и резиновые лодки, имелся запас денег.

На протяжении всего маршрута имелись схроны с продуктами, медикаментами и опять же с деньгами, и был разработан целый арсенал мер для осуществления связи друг с другом, если случится уходить порознь.

С одной из таких точек уходил и Андрей. Единственное, что они не успели, это подготовить надёжные документы, иначе Андрей не сидел бы сейчас в этой дыре, но теперь Солома занимался и этим вопросом.

На следующий день, как договаривались, к Андрею пришёл Барон, Андрей спросил у него, приходилось ли ему, когда-нибудь бывать в Новосибирске.

– Был, – ответил Барон. – Кореш у меня там живёт, сидели вместе.

– Забудь про кореша, нигде не светись, сразу как приедешь, сними номер в гостинице у вокзала, потом садись на троллейбус, который идет до проспекта Дзержинского, выйдешь на остановке «Красина», прямо у остановки стоит опора линии электропередач, порядковый номер опоры сто четырнадцать, запомнил?

– Запомнил, – сказал слегка обалдевший Барон.

– Тогда слушай дальше. Опора деревянная, со стороны тротуара вобьешь в неё гвоздь на сто пятьдесят, наполовину вобьешь, чтоб со стороны видно было. На следующее утро возьми билет на первую электричку, следующую в южном направлении и доедешь на ней до станции «Речпорт», сойдешь и сядешь на скамейку, стоящую у самого конца платформы, там, где останавливается последний вагон. Никуда не уходи, жди следующую электричку, она будет минут через пятнадцать, и продолжай сидеть до тех пор, пока последний вагон не остановится рядом с тобой, потом садись в неё. Сойдешь на станции «Сеятель», мой человек сам к тебе подойдет. Билет покупай сразу до конечной остановки. Всё запомнил? – Андрей смотрел Барону прямо в глаза, слегка наклонившись в его сторону.

– Запомнил. Ну ты даешь, прямо шпион какой-то, – изумился Барон.

– Я в бегах, моих друзей могут пасти, по-моему, это нормально, – пожал плечами Андрей.

Новосибирск, март 1979 год

Солома, прогуливаясь по тротуару, заметил вбитый Бароном гвоздь, не торопясь, закончил прогулку и, вернувшись домой позвонил Гуне.

– Привет братишка, не забыл, что у Наташки завтра днюха? Надо бы поздравить.

Они ещё немного поговорили, обсуждая Наташкины достоинства и повесили трубки.

Это означало, что Гуня должен был действовать по плану номер один, купить билет на первую электричку, следующую в сторону станции «Черепаново», и сесть в первый вагон.

Утром следующего дня, несмотря на холодную мартовскую погоду, Солома, в трусах и тапочках, вышел из дома выносить мусор, вывалил его в мусорный бак, потом подошёл к металлическим гаражам, сделал вид, что собирается отлить, протиснулся в щель между гаражами вылез, оказавшись на соседней улице, запрыгнул в поджидавшую его машину и, одевшись в приготовленные для него вещи, уехал на остановочную платформу «Разъезд Иня».

Гуня проделал аналогичные действия.

Встретившись на платформе, друзья купили два билета и сели в первый вагон подошедшей электрички.

На остановочной платформе «Речпорт», они увидели сидящего на обусловленном месте незнакомого парня, который вошёл в последний вагон. Солома с Гуней прошли в конец поезда на встречу со связным Андрея, но в вагоне электрички, на контакт выходить не стали. Они подошли к нему на станции «Сеятель», когда народ валил с электрички в сторону станционного здания.

Север Томской области. Зимовье Хорвата, март 1979 год

– Гуров проявил активность, товарищ генерал, правда это всего лишь косвенные признаки, его подельники исчезли.

– Что значит исчезли, Кожин? Они же под наблюдением.

– Никто не ожидал, что у них разработан план отхода.

– Позже мы установили таксистов, которые каждое утро в определённое время подъезжали к назначенному месту, имея в багажнике сумку со всем необходимым. Они показали, что высадили фигурантов в районе станции «Река Иня». Мы установили также, что ими были куплены два билета до станции «Черепаново». Ещё трое суток нам понадобилось, чтобы найти свидетелей, видевших их в электричке и которые показали, что фигуранты сошли на станции «Сеятель». В вагоне электропоезда, они ни с кем в контакт не вступали. На станции было много народа, люди на работу спешили, и куда подевались фигуранты неизвестно.

– Меня всё больше и больше удивляют Гуров и его команда. Причём не то как они действуют, Гуров и не на такое способен, а то, как ему удалось с первого раза безошибочно подобрать себе людей, – покачал головой генерал. – Что ж, будем ждать, когда он себя проявит. Я думаю, что напрямую Гуров нигде не засветится, будем вычислять его по косвенным признакам. Любой объект, даже невидимый, даже если о нём никто никогда не слышал, всегда оставляет след, и, вычислив траекторию этого следа, можно безошибочно выйти на объект.

Новосибирск – рабочий посёлок в районе Колпашево, март 1979 год

– Следуй за нами, и не задавай лишних вопросов, – шепнул на ухо Барону Солома.

Они вышли с территории вокзала и, пройдя немного, оказались в районе гаражного кооператива. Гуня открыл гараж, и троица вошла внутрь. В гараже стояла обшарпанная «копейка» синего цвета.

– Рассказывай, – приказал Солома Барону, – что мы должны сделать?

– Да пока ничего, только, зовёт вас Граф на встречу. Дело есть серьёзное, сказал, сам всё расскажет, – Барон чувствовал себя не очень уютно.

– Расслабься, тебя как зовут? – Солома заметил его состояние.

– Барон, я из посёлка, где Граф сейчас залёг, – ответил Сашка Барон.

– Погоди, из какого посёлка? Он же сейчас в другом месте быть должен, – насторожился Солома.

– Его Цыган к нам определил, и правильно сделал, у нас спокойней, – ответил Барон.

– Ну, раз спокойней тогда поехали, – и Солома, открыв дверь машины, пригласил Барона в салон.

До посёлка добрались за сутки с лишним, дорога была отвратительная, остановились прямо у подъезда где жил теперь Андрей.

Гуров увидел друзей в окно, и, как только они вошли, кинулся обниматься. Он только в бегах ощутил наконец, что остался один на всём белом свете, и что ближе и роднее его подельников у него сейчас никого нет.

Разговор о делах отложили на потом, а теперь решили отметить встречу. Но, как это часто бывает, разговор о предстоящем деле возник сам собой.

– Мы живы и здоровы не только потому, что нам везло, а ещё и потому что мы ни разу не напоролись на очень большие деньги, – говорил Солома. – То, что для нас было много, для наших терпил было несущественно, и потому они легко смирились с этой потерей и не поднимали волну. Иначе, нам бы уже давно головы оторвали, и никакие воры нам бы не помогли.

Сейчас же, как я понимаю, нам предстоит обезжирить клиента по максимуму, тогда нужно брать всё. Всё что у них имеется, нужно полностью обнулить их возможности, не имея денег, они не смогут нам навредить в дальнейшем, и дело их подпольное, нужно грохнуть, чтобы они уже никогда не смогли бабла поднять, вот тогда мы сможем спокойно по улицам ходить. Я всё сказал, что думаю об этом деле, – закрутился Солома.

– Всё верно брат, так мы и поступим, но только дело ими налаженное грохать не будем, а возьмем его под свой контроль, – согласился Андрей.

– Да нас воры не поймут, если мы цеховиков под крышу загоним, не по понятиям это, – подал голос Гуня.

– Гуня прав, – поддержали Гуню Солома и Барон. – Никто не позволит нам крышевать цеховиков, мы эту тему не вывезем.

– Я не сказал «крышевать», мы просто сменим собственника и всё, мы даже нынешнее руководство можем оставить, а пехота вообще ничего не поймёт, да я думаю они и сейчас не заморачиваются насчет того, кто ими руководит, лишь бы деньги платили вовремя, – пояснил Андрей.

– Интересно, только как ты себе это представляешь? – заинтересовался Солома.

– Мне нужна абсолютно достоверная информация, кто действительно является хозяином данного предприятия, один он, или несколько человек распоряжаются полученной прибылью. Мне нужно знать всё об этом человеке: его сильные и слабые стороны, его привычки, и главное, его заветную мечту, причину, по которой он рискует свободой и жизнью, его семейное положение, распорядок дня, и то, что он ест на обед, где покупает вещи и продукты, его увлечения, и список его друзей с характеристиками на каждого. – Андрей ещё долго тщательно перечислял всё, что необходимо знать о человеке, у которого он собирался отнять деньги, и налаженный бизнес.

Задача была не из лёгких, но в случае успеха обещала присутствующим огромную прибыль на многие годы.

– Вам придётся вернуться в город, – сказал Андрей Соломе и Гуне. – Сейчас, нас пока четверо, но, если понадобится, будем привлекать ещё людей, за долю, или на разовую работу, пока не знаю, но работы много, а тянуть с этим делом не хочется.

– Задачу каждому я буду ставить отдельно. У меня всё, завтра или даже сегодня вам, – Андрей кивнул Соломе с Гуней. – Придётся уехать. Соберите на Гончарова всю информацию какую только сможете, сходите сами, или пошлите кого-нибудь в пароходство, может там чего нароете.

Парни встали и потянулись к выходу из комнаты, где происходил разговор, но в дверь вдруг вошла Лена.

– Я всё слышала, – сказала она. – У нас стены тонкие, возьмите меня в дело, я не хочу всю жизнь прозябать в нищете в этом посёлке.

В комнате повисла тишина.

– Та-ак, – протянул Андрей. – Ну-ка, присядем все, послушаем, что предложит нам красавица Елена, как тебя по батюшке? – улыбнулся Андрей.

– Я, между прочим, школу в прошлом году с золотой медалью закончила, и два языка знаю, как свой родной, а в этом году, в театральный поступать собиралась, а отчество моё – Генриховна, если вам это и правда интересно, – обиделась Лена.

Все посмотрели на Барона.

– Правда, с золотой медалью закончила, и языки знает, немецкий и английский, у неё семья из немцев репрессированных, а мать в школе английский преподавала, – Барон кивнул.

– Собирайся, с ними поедешь, – кивнул Андрей на Солому с Гуней. – На месте решим, как твои таланты лучше использовать.

Лена кинулась Андрею на шею, расцеловала и побежала собирать вещи.

– Поселите её как-нибудь так, чтобы её с вами никто не связал, после того как всё узнаете, через неё и передадите. Сами сюда не суйтесь пока.

Андрей никогда не ошибался в подборе людей, и в этой девчонке разглядел скрытый потенциал.

Новосибирск, март 1979 год

Спустя неделю в парадную дверь Новосибирского речного пароходства вошла молодая, очень красивая, изысканно одетая девушка.

– Добрый день, – поздоровалась девушка со старушкой, сидящей на вахте. – Не подскажите, как мне пройти в комитет комсомола пароходства?

Старушка оценивающим взглядом прошла по фигуре незнакомки: ноги, обутые в дорогие туфли на высоком каблуке, обтянутые дорогими колготками, были прикрыты строгого покроя юбкой, переходящей в пиджак, надетый на белоснежную рубашку.

На левой руке небольшие золотые часики, на правой браслет, тоже из золота, глаза прятались за очками в золотой оправе. На плечах изящная норковая шубка, доходящая до колен. Тёмные, вьющиеся волосы заплетены в тугую косу, спускающуюся до поясницы, в руках девушка держала кожаную коричневую папку, и весь вид её говорил о том, что она привыкла распоряжаться и командовать.

«Наверное, начальство, приехало дрючить наших обалдуйев», – злорадно подумала старушка-вахтёр. И сладким голосом прошептала:

– Сергей Леонидович, председатель комитета, ещё не подошёл, с минуты на минуту появится.

В этот момент в дверь вестибюля вошёл мужчина лет тридцати, в костюме-тройке, со слегка лысеющей головой, сразу было видно, что на машине приехал.

– А, вот и он, – обрадовалась старушка, и крикнула: – Сергей Леонидович, это к вам! – И указала рукой на девушку.

– Здравствуйте, Сергей Леонидович, – девушка протянула обалдевшему секретарю руку и обворожительно улыбнулась. – Меня зовут Татьяна Владимировна, я из издательства журнала «Костёр», этот журнал занимается воспитанием подрастающего поколения. Может, пройдем к вам в кабинет? – предложила Татьяна Владимировна.

– Да-да, конечно, – очнулся секретарь комсомольского комитета, и повёл девушку в свои апартаменты.

В кабинете Сергей Леонидович почувствовал себя увереннее, предложил гостье чай, открыл коробку конфет, купленную накануне вечером, которую собирался преподнести сегодня утром Зиночке – молоденькой машинистке из машбюро.

– Чем моя скромная персона может быть полезна такому солидному издательству? – поинтересовался он, пытаясь отвести взгляд от круглой коленки гостьи, удобно расположившейся в его кресле.

– Дело в том, Сергей Леонидович, что издательство поручило мне написать статью, о том, как на вашем предприятии помнят ветеранов ушедших на заслуженный отдых, как комсомольские организации предприятия, которым ветераны посвятили всю свою жизнь заботятся о них. Вот у вас как оказывают адресную помощь ветеранам? – Татьяна Владимировна посмотрела поверх очков на Сергея Леонидовича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.